

Редьярд Киплинг

Сказки и легенды

Редьярд Джозеф Киплинг

Сказки и легенды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=141831

Аннотация

«...Кит открыл рот; он открывал его все шире да шире, так что чуть не дотронулся носом до хвоста, и проглотил моряка, плот, на котором он сидел, синие штаны, подтяжки (о которых ты не должна забывать) и нож. Моряк и все эти вещи попали в теплый темный желудок кита. После этого кит с удовольствием облизнулся и три раза повернулся на своем хвосте...»

Содержание

Почему кит ест только мелких рыбок	5
Как на спине верблюда появился горб	10
Как на коже носорога появились складки	14
Как леопард стал пятнистым	18
Слон-дитя	27
Просьба старого кенгуру	38
Как появились броненосцы	44
Как было написано первое письмо	55
Как была составлена первая азбука	69
Морской краб, который играл с морем	94
Кот, который гулял где хотел	108
Мотылек, который топнул ногой	124

Редьярд Киплинг Сказки и легенды

* * *

Почему кит ест только мелких рыбок

В стародавние времена, моя любимая, в море хил кит; жил и ел рыбу, всякую рыбу; треску и камбалу, плотву и макрель, щук и скатов, миног и ловких выюнов угрей; ел он также морских звезд и крабов, и все, все, что только ему попадалось. На всех-то, на всех рыб, на всех морских животных, которых кит замечал, он кидался и, открыв свою пасть, хватал их. Гам – и готово! Наконец, кит съел решительно всех рыб во всех морях. Уцелела только одна маленькая хитрая рыбка. Она плыла подле правого уха кита, так что он не мог ее схватить. Вот кит поднялся, стал на свой хвост и говорит:

– Я голоден.

А маленькая-то хитрая рыбка пищит в ответ тонким, хитрым голоском:

– Пробовали ли вы, великодушный рыбообразный, человека?

– Нет, – ответил кит, – не пробовал. А это вкусная штука?

– Да, – ответила хитрая рыбка, – только человек ужасно беспокойное создание.

– Ну, принеси мне парочку-другую людей, – сказал кит и ударил хвостом по воде, да так сильно, что все море покрылось пеной.

– Одного за глаза хватит, – сказала хитрая рыбка. – Проплыви до пятого градуса северной широты и до сорокового восточной долготы, и ты увидишь, что посреди моря на плоту сидит моряк. Его корабль разбился, а потому на нем только синие холщовые штаны на подтяжках (помни о подтяжках, моя любимая), и в кармане – нож. Но я, по совести, должна сказать тебе, что он необыкновенно умен и находчив.

Кит поплыл; все плыл и плыл к пятому градусу северной широты и к сороковому восточной долготы и очень торопился. Вот он увидел посреди моря плот, а на нем моряка в синих холщовых штанах с парой подтяжек (главное – помни о подтяжках, моя любимая) и с ножом. Моряк сидел, свесив ноги в воду. (Конечно, его мамочка позволила ему болтать голыми ногами в воде, не то он ни за что не стал бы этого делать, потому что был очень умен и находчив.)

Кит открыл рот; он открывал его все шире да шире, так что чуть не дотронулся носом до хвоста, и проглотил моряка, плот, на котором он сидел, синие штаны, подтяжки (о которых ты не должна забывать) и нож. Моряк и все эти вещи попали в теплый темный желудок кита. После этого кит с удовольствием облизнулся и три раза повернулся на своем хвосте.

Но как только моряк, человек донельзя находчивый и умный, очутился в темном теплом животике кита, он затопал ногами, запрыгал, заколотил и замолотил руками, стал кувыркаться и танцевать, кусаться, ползать, извиваться, выть,

подскакивать и падать, кричать и вздыхать, лягаться, брыкаться и вертеться там, где это было вовсе не к месту. Понятно, кит почувствовал себя нехорошо. (Ведь ты же не забыла о подтяжках?)

И он сказал хитрой рыбке:

– Этот человек ужасно беспокоен; кроме того, у меня из-за него поднялась икота. Что мне делать?

– Скажи ему, чтобы он выскочил обратно, – посоветовала киту хитрая рыбка.

Тогда кит крикнул в свой собственный рот потерпевшему крушение моряку:

– Вылезай наружу, тогда и возись! У меня икота.

– Нет, нет, – ответил моряк. – Будет все по-другому. Отнеси меня к берегу моей родины, к белым утесам Альбиона, тогда я подумаю, как мне следует поступить.

И он заплясал еще сильнее прежнего.

– Лучше отнеси его к нему на родину, – посоветовала хитрая рыбка киту. – Я же предупреждала тебя, что он очень находчив и умен.

Нечего делать, кит поплыл; он все плыл да плыл, усиленно работая обоими своими плавниками и хвостом, хотя ему немного мешала икота. Наконец, он увидел родной берег моряка и белые утесы Альбиона, с размаха чуть было не выскочил на отмель и стал открывать свой рот все шире, шире и шире и сказал:

– Здесь пересадка на Винчестер, Эшлот, Неша, Кин и на

все станции дороги, ведущей к полям вики.

Как только кит сказал слово «вики», моряк выскочил из его пасти. Надо сказать, что, пока кит плыл, моряк, человек действительно необыкновенно умный и находчивый, вытащил свой нож, разрезал плот на маленькие кусочки, сложил их крест-накрест, крепко-накрепко связал их между собой своими подтяжками (теперь ты понимаешь, почему тебе не следовало забывать о подтяжках?) и таким образом сделал из них решетку. Он взял с собой эту решетку и вставил ее в горло кита. Потом сказал вот какие слова. Ты ведь не слышала, что сказал моряк, так я повторяю тебе его слова: «Этой решеткой я помешаю тебе есть».

Дело в том, что моряк был также и сочинителем. Он ступил на отмель и пошел домой, к своей маме, которая позволяла ему ходить босиком по воде. Через некоторое время он женился и жил долго и счастливо. Долго и счастливо жил также и кит. Но со дня высадки моряка на его родной берег решетка, сидевшая в горле кита, которую он не мог ни выбросить наружу, ни проглотить, мешала ему есть что-нибудь, кроме очень-очень мелких рыбок. Вот потому-то в наше время киты не едят ни взрослых людей, ни маленьких мальчиков, ни маленьких девочек.

Хитрая рыбка уплыла и спряталась в тине, под порогом экватора. Она боялась, что кит на нее рассердится.

Моряк унес с собой свой нож. Когда он шел по морской отмели, на нем были синие холщовые штаны. Подтяжки же

остались, помнишь, на решетке. Вот и конец сказочки о ките и хитрой рыбке.

Как на спине верблюда появился горб

Очень интересна вот эта наша вторая сказка; в ней рассказывается, как на спине у верблюда появился большой горб.

В самом начале, когда земля была совсем новая и животные только-только начали работать на человека, жил да был верблюд. Он поселился в самой середине огромной Воющей пустыни, потому что не хотел работать; кроме того, он и сам любил реветь. Ел он там стебли сухих трав, терновник, ветви тамариска, молочай, разные колючие кусты и ничего не делал. Когда кто-нибудь с ним заговаривал, он отвечал: «Грб»; только «грб», и больше ничего.

В понедельник утром к нему пришла лошадь; на ее спине лежало седло, а во рту у нее были удила, и она ему сказала:

– Послушай-ка, верблюд, пойдём, побегай, как все мы, лошади.

– Грб, – ответил верблюд; лошадь ушла и сказала об этом человеку.

Вот к верблюду пришла собака; она принесла в зубах палку и сказала:

– Послушай, верблюд, пойдём-ка со мной; отыскивай разные вещи и носи их, как мы, остальные.

– Грб, – фыркнул верблюд; собака убежала и рассказала

все человеку.

Теперь к верблюду пришел бык; на его шее лежало ярмо, и он сказал:

– Послушай-ка, верблюду, пойдём и начни пахать, как мы, остальные.

– Грб, – сказал верблюду; бык ушел и рассказал все человеку.

В этот день вечером человек позвал к себе лошадь, собаку и быка и, когда они пришли, сказал им:

– Бедные вы трое, мне очень жалко вас; но верблюду, который говорит только «грб», не может работать; если бы он мог что-нибудь делать, он был бы здесь; поэтому я оставляю его в покое; вы же должны работать в два раза больше, чтобы заменить его.

Трое очень рассердились; они собрали совет на самом краю пустыни; скоро к ним подошел ленивый верблюду; он пожевал стебель молочая, посмеялся над ними, потом сказал «грб» и опять ушел.

В это самое время появился джинн, который заведует всеми пустынями; он ехал на катившемся облаке пыли. (Все джинны всегда путешествуют таким образом, потому что они волшебники.) Увидя троих, он остановился, чтобы поговорить с ними.

– Джинн, начальник всех пустынь, – сказала лошадь, – скажи, неужели справедливо, чтобы одно существо ничего не делало, когда весь мир такой новый и молодой?

– Конечно, нет, – сказал джинн.

– Так знай же, – проговорила лошадь, – что в самом центре твоей Воющей пустыни живет существо (кстати, оно тоже любит громко кричать и реветь), существо с длинной шейей и с длинными-предлинными ногами; оно с утра понедельника ровно ничего не сделало. Только подумай, оно не хочет бегать, как мы, лошади.

– Фюить, – свистнул джинн, – клянусь всем золотом Аравии, это животное – мой верблюд. Ну а что он сказал тебе?

– Он сказал «грб», – ответила собака, – и он не хочет носить тяжестей.

– А верблюд сказал еще что-нибудь?

– Нет, только «грб», и не хочет пахать, – вставил свое замечание бык.

– Очень хорошо, – проговорил джинн. – Он твердит «грб»? Хорошо же, я ему задам славный «грб», только подождите немного.

Джинн окутал себя пылью, укатил дальше по степи и скоро увидел верблюда. Верблюд ровно ничего не делал и только смотрел на свое отражение в луже воды.

– Ты ленив до невозможности, – сказал ему джинн, – подумай, из-за этого у тех троих с понедельника стало вдвое больше работы.

Сказав это, джинн уперся подбородком в кулак и стал мысленно говорить волшебные слова.

– Грб, – фыркнул верблюд.

– На твоём месте я не стал бы вечно повторять «греб», – заметил джинн, – мне кажется, ты и так слишком часто говорил это слово. Дудки, полно тебе лентяйничать; принимайся-ка за работу.

А верблюд опять сказал «греб», но едва он закрыл свой рот, как увидел, что его спина, которой он гордился, стала надуваться; она раздувалась все больше и больше, и на ней, наконец, образовался большой горб.

– Видишь, что у тебя на спине? – спросил его джинн. – Этот горб сел на твою спину, потому что с понедельника, то есть с того самого дня, в который началась общая работа, ты ничего не делал. Теперь тебе придется трудиться.

– Разве я могу работать с таким горбом на спине? – спросил верблюд.

– Это сделано тебе в наказание, – сказал джинн, – и все потому, что ты пролентяйничал три дня. Теперь ты получил возможность работать по три дня подряд безо всякой еды; тебя будет кормить этот горб. И пожалуйста, никогда не говори, что я ничего для тебя не сделал. Уходи из пустыни; отправляйся к тем троим и веди себя хорошо. Иди же.

И верблюд поднялся и пошел к троим, унося на своей спине свой собственный горб. С тех пор и до нынешнего дня верблюд его носит. Верблюд работает, много работает, но все не может наверстать тех трех дней, которые он пролентяйничал в самом начале мира, и до сих пор не научился вежливости.

Как на коже носорога появились складки

Очень давно на необитаемом острове, на Красном море жил один огнепоклонник, перс. Он носил шапку, от которой лучи солнца отражались с такой яркостью, какую редко увидишь даже на востоке. Человек этот жил на самом берегу Красного моря, и у него не было ничего, кроме шапки, ножа и печки с плитой; знаешь, из тех, до которых никогда не следует дотрагиваться. Раз он взял муки, воды, сушеных слив, изюму, сахару и сделал из этих вкусных вещей огромный сладкий хлеб в два фута ширины и в три фута высоты. Это была замечательно вкусная вещь, сказочный хлеб. Пек он его, пек, и, наконец, сладкий каравай славно зарумянился, и от него пошел приятный запах. Человек собрался поесть своего хлеба, но как раз в эту минуту из совершенно необитаемой середины острова пришел носорог. На его носу сидел рог; глаза же зверя походили на свиные глазки. В те времена кожа носорога плотно облегалa все его тело. На ней не было ни одной складочки или морщинки. Он был совсем такой, как носороги в игрушечном ноевом ковчеге, только, понятно, гораздо больше их. А все-таки он не умел вести себя прилично; плохо ведет себя он и теперь, и у него всегда будут дурные манеры.

Носорог сказал: «Ой!» Тогда перс бросил свой хлеб и вскарабкался на пальму; на нем была только его шапка, от которой лучи солнца отражались великолепно, чем где-нибудь в другом месте на востоке. Носорог опрокинул носом керосиновую печь с плитой, и хлеб покатился по песку; тогда он сперва насадил его на свой рог, а потом съел и, помахивая хвостом, ушел в печальные, совершенно ненаселенные дебри островов Мазандеран, Сокотра и в пустыни мысов Высокого Равноденствия. Человек слез с пальмы, поставил печку на ножки и нараспев произнес несколько слов. Ты не знаешь, что он пропел, а потому я скажу тебе:

«Тот, кто съел хлеб, который я испек, получил урок».

И в этих словах было больше правды, чем ты думаешь.

Ровно через пять недель на Красном море стало так жарко, что жители сбросили с себя всю свою одежду. Огнепоклонник тоже снял со своей головы шапку, а носорог скинул с себя кожу и, перебросив ее через плечо, спустился к берегу; он задумал выкупаться. В те дни кожа эта застегивалась у него под шейей на три пуговицы и очень походила на непромокаемое пальто. Носорог ничего не сказал человеку о хлебе; ведь ни прежде, ни после он не умел себя вести. Он вошел в воду, совсем погрузился в нее и стал выпускать из носа воздух, который поднимался пузырьками; а его кожа лежала на берегу.

К морю пришел и огнепоклонник; он увидел кожу и улыбнулся такой широкой улыбкой, которая два раза обежала во-

круг его лица; потом заплясал, описал три круга около кожи носорога и потер руки. После этого он вернулся в свой лагерь и наполнил шапку крошками сладкого хлеба; он никогда не ел ничего, кроме хлеба, и никогда не имел своего жилища, а потому у него было много крошек. Огнепоклонник взял кожу носорога, стряхнул ее, поскоблил, потер, так как она была полнехонька старой грязи, и всыпал в нее все свои старые сухие, заветрившиеся крошки и несколько подгоревших изюминок. После этого он снова взобрался на вершину пальмы и стал поджидать, когда носорог выйдет из воды и наденет кожу.

Едва носорог надел свою кожу и застегнул ее на три пуговицы, ему стало щекотно; крошки кололи его, царапали ему тело, знаешь, как бывает, когда ты просыплешь крошки на простыню в постели? Носорог вздумал почесаться, но от этого дело стало еще хуже. Он лег на песок и стал валяться и кататься, но каждый раз, когда он переворачивался, крошки беспокоили его все больше и больше. Чтобы избавиться от неприятности, он подбежал к пальме и начал тереться о ее ствол. Он так усиленно и так долго тер кожу о пальму, что над его плечами она сморщилась, образовав большую складку; другая складка появилась внизу, там, где были пуговицы (когда он терся, он оторвал их). Кожа также сморщилась в несколько складок на ногах носорога. Все это происшествие испортило его настроение: он рассердился, но на крошки это не имело влияния. Они были под кожей и продолжали пока-

львать его тело. Наконец, носорог, рассерженный и жестоко исцарапанный, ушел домой. С тех пор и до нынешнего дня у каждого носорога на коже складки, и у каждого очень дурной характер – все из-за крошек.

Огнепоклонник спустился с пальмы; на его голове была шапка, от которой лучи солнца отражались более чем с восточным великолепием. Он упаковал свою печку с плитой и пошел по направлению к Оротово, Амигдала, к травянистым плоскогорьям Авантариво и к болотам Сонапута.

Как леопард стал пятнистым

В те далекие дни, когда все существа только что начали жить на земле, моя любимая, леопард поселился в пустынном месте, которое называлось Высокий Фельдт. Заметь: это не был Низкий Фельдт, или Лесистый Фельдт, или Горный Фельдт; нет, леопард жил в совершенно голой, унылой, знойной, залитой сияющими лучами солнца пустыне, называвшейся Высоким Фельдтом. Местность эту покрывал песок, скалы одного цвета с песком и редкие кусты желтоватой травы.

Там жили жирафы, зебры, антилопы, газели и другие породы рогатых животных; все они были покрыты гладкой желтовато-коричневатой шерстью песчаного оттенка; леопард фигурой походил на кошку; у него была серовато-желтоватая шерсть, которая совсем сливалась с желтовато-серовато-коричневатой почвой Высокого Фельдта. Это было очень плохо для жирафов, для зебр, для антилоп и для остальных беззащитных животных, потому что леопард ложился подле желтоватых камней или высоких травянистых зарослей, и, когда жираф, зебра, газель, антилопа куду или лесная антилопа проходили мимо него, он выскакивал из засады, бросался на них, и тогда их жизни наступал конец. В этой стране также жил эфиоп; у него были лук и стрелы; сам он в те времена был серовато-коричневато-желтоватый и охотился

вместе с леопардом; эфиоп брал с собой лук и стрелы; леопард же убивал дичь зубами да когтями. Наконец, жираф, газель, антилопа, квагга и все остальные животные в этом роде решительно перестали понимать, в какую сторону им следует бежать. Да, моя любимая, они совсем растерялись.

Через очень-очень долгое время (тогда животные и люди жили долго) они научились скрываться от всего, что походило на леопарда или на эфиопа, и мало-помалу убежали из Высокого Фельдта. Первыми ушли жирафы, потому что у них были самые длинные ноги. Бежали они много-много дней; наконец увидели огромный лес; в нем было много деревьев, кустов, а на землю падали тени: темные полосы и пятна. Животные спрятались в лесу. Прошло еще много времени. Животные вечно были отчасти в тени, отчасти на солнце, и от этого жираф стал пятнистым, а зебра – полосатой; антилопа же куду и газель потемнели, и по их спинкам прошли извилистые серые полосы, похожие на древесную кору. Теперь их можно было слышать, чуют, но видеть стало трудно; их разглядел бы только знающий, где следует искать беглецов. Отлично жилось этим зверям среди пятен света и узорчатых теней леса. Между тем леопард и эфиоп бегали по обнаженной желтовато-красноватой пустыне и спрашивали себя, куда девались их завтраки, обеды и ужины? Наконец, они до того проголодались, что стали поедать крыс, жуков и кроликов, живших в скалах; потом у них разболелись животы; оба заболели. Как раз в это время они встретили па-

виана. А он, надо тебе сказать, самый мудрый зверь в целой Южной Африке.

Леопард сказал павиану (стоял очень жаркий день):

– Куда ушла вся дичь?

Павиан подмигнул. Он отлично знал «куда».

Эфиоп сказал павиану:

– Можешь ли ты сказать мне, куда переселилась вся туземная фауна?

Эфиоп спросил совершенно то же самое, что леопард; только он всегда употреблял длинные слова; он был взрослый.

Павиан подмигнул. Он-то знал.

Скоро заговорил павиан:

– Дичь ушла в другие места, и тебе, леопард, я советую поискать темных пятен.

Эфиоп сказал:

– Все это хорошо и прекрасно, но я желаю знать, куда переселилась туземная фауна?

Тогда павиан ответил:

– Туземная фауна соединилась с туземной флорой. Тебе же, эфиоп, была бы полезна перемена.

Леопард и эфиоп ничего не поняли. О каких пятнах, о какой перемене говорил им павиан? Тем не менее они стали разыскивать туземную флору и после долгих-долгих поисков увидели большой, высокий, густой лес, полный деревьев с пятнистыми стволами, по которым перебегали тени. Тени

эти качались, извивались, сходились и расходились.

– Что это? – сказал леопард. – Здесь темно, а между тем столько пятнышек света.

– Не знаю, – сказал эфиоп, – вероятно, это туземная флора. И я чую жирафа, но не могу видеть жирафа.

– Это удивительно, – заметил леопард, – впрочем, мне кажется, это происходит потому, что мы сию минуту вошли в тень с того места, где ярко светит солнце. Я чую зебру, я слышу зебру, но не могу видеть ее.

– Погоди немного, – сказал эфиоп. – Ведь с тех пор, как мы на них охотились, прошло много времени. Может быть, мы позабыли, какой вид у этих зверей?

– Пустяки, – ответил леопард. – Я отлично их помню; и особенно хорошо у меня в памяти сохранился вкус их костного мозга. Жираф около семнадцати футов высоты и весь, от макушки до копыт, золотисто-желтый; зебра же около четырех футов с половиной, с головы до ног она серая.

– Гм, – протянул эфиоп, вглядываясь в пятнистые тени леса. – В таком случае, эти животные должны быть видны в темноте, как спелые бананы в темной дымной хижине.

Но ни жирафа, ни зебры не было видно. Леопард с эфиопом охотились целый день, и хотя чуяли дичь, слышали, как она шевелится, но ни разу не видели ни зебры, ни жирафа.

– Пожалуйста, – сказал леопард, когда наступило время обеда, – дождемся темноты; охотиться при дневном свете неудобно.

Они подождали наступления темноты, и вот леопард услышал дыхание и фыркание среди серебристых полос звездного света, который проходил сквозь древесные ветви и падал на землю. Леопард почуял зебру, схватил ее и, когда повалил на землю свою добычу, почувствовал, что она бьет его ногами, как зебра; а все-таки он не знал, что это было.

Леопард сказал:

– Не двигайся, ты, существо без формы. Я буду сидеть на твоей голове до утра, потому что не понимаю, что ты такое.

В ту же минуту он услышал шум, треск, и эфиоп закричал:

– Я поймал животное, которого не вижу. Оно брыкается, как жираф, и я чую запах жирафа, но ничего не вижу.

– Не доверяй ему, – сказал леопард. – Садись на его голову и не двигайся до утра; я сделаю то же самое. Их совсем не видно.

Так они просидели, пока не рассвело. Наконец, леопард сказал:

– Ну, братец, скажи, что там у тебя?

Эфиоп почесал себе голову и ответил:

– Животное это должно быть темно-оранжевое, а это все в каштановых пятнах. А у тебя что, братец?

Леопард тоже поцарапал себе голову и ответил:

– Моя дичь должна была иметь нежную серовато-желтую шерсть и называться зеброй; между тем шкура пойманного мной зверя покрыта черными полосами. Ну, скажи, пожалуйста, зебра, что ты с собой сделала? Разве ты не зна-

ешь, что там, в Высоком Фельдте, я мог видеть тебя за десять миль; теперь же ты расплываешься перед глазами и тебя нельзя разглядеть.

– Да, – сказала зебра, – но ведь мы не в Высоком Фельдте, а в другом месте. Разве ты этого не видишь?

– Теперь-то вижу, – сказал леопард, – но вчера я ничего не видел. Скажи, почему это?

– Отпустите нас, вы оба, – сказала зебра, – и мы вам покажем, в чем дело.

Эфиоп и леопард отпустили зебру и жирафа; зебра побегала к большим кустам терновника и остановилась там, где от них падали полосы теней. Жираф же подошел к высоким деревьям, под которыми лежали узоры из теневых пятен. Теперь ни ту, ни другого нельзя было разглядеть в лесу.

– Хи, хи! – сказал эфиоп.

– Теперь смотрите, – сказали зебра и жираф, – вот как делается у нас. Раз, два, три! Где ваш завтрак?

Леопард смотрел во все глаза; эфиоп тоже, но они видели только полоски да пятна теней в лесу; зебры и жирафа не было и следа. Они ушли и спрятались в чаще.

– Хи, хи! – сказал эфиоп. – Стоит поучиться их фокусу. Это тебе урок, леопард. Здесь, в темном месте, ты виден, как кусок мыла в ящике с углем.

– Хо, хо! – в свою очередь, сказал леопард. – Удивит ли тебя, если ты узнаешь, что здесь, в темной чаще, ты виден ясно, как горчичник, прилипший к угольному мешку?

– Ну, мы можем придумать сколько нам вздумается сравнений, но это не поможет нам получить обед, – заметил эфиоп. – Все дело в том, что мы отличаемся от цвета почвы. Я исполню совет павиана. Он сказал мне: тебе нужна перемена, а так как мне нечего менять, кроме кожи, я и переменю ее.

– Что-о? – протянул взволнованный леопард.

– Да, я обзаведусь новой хорошенькой рабочей коричневато-черной кожей с лиловым оттенком и с переливами в аспидно-синий цвет. В ней будет удобно прятаться в ложбинах и за стволами деревьев.

И он сейчас же переменял свою кожу. Леопард заволновался еще сильнее; он до сих пор не видел, чтобы человек менял кожу.

– А я-то? – сказал он, когда эфиоп натянул даже на кончик левого мизинца свою прекрасную новую черную кожу.

– Послушайся совета павиана; он сказал тебе: поищи темных пятен.

– Да я и смотрел в темные места, – сказал леопард. – Я пришел сюда с тобой, осматривал тени леса, но разве это помогло мне?

– Вспомни о жирафе, – сказал эфиоп, – или подумай о зебре и ее полосках. Их пятна и полосы очень удобны им.

– Гм, – сказал леопард. – Я совсем не хочу походить на зебру.

– Ну, решайся, – сказал ему эфиоп, – я не хотел бы охотиться без тебя, а все-таки придется отправиться одному, по-

тому что теперь ты походишь на подсолнечник; торчащий подле темной изгороди.

– В таком случае, я соглашаюсь на пятна, – ответил леопард, – только, пожалуйста, не делай мне слишком больших клякс; они вульгарно выглядят. Я не хочу слишком походить на жирафа.

– Я испещрю тебя кончиками пальцев, – предложил ему эфиоп. – На моей коже еще достаточно черной краски. Поднимайся и не двигайся.

Эфиоп сжал свои пять пальцев (на его новой коже все еще было много черной краски) и стал прикладывать их к телу леопарда; там, где они касались желтой шкуры зверя, после них оставалось до пяти черных пятнышек, очень близко друг от друга. На любой леопардовой шкуре ты увидишь их, моя дорогая. Иногда пальцы эфиопа скользили, и пятна немного расплывались, но присмотришься к любому леопарду – и ты увидишь, что на его шкуре в каждом пятне пять точек. Это следы пяти жирных черных кончиков пальцев эфиопа.

– Теперь ты красавец, – сказал эфиоп. – Ляг на землю; тебя всякий примет за кучу мелких камешков. Ляг на обнаженную скалу, ты будешь походить на ноздреватый туф. Если ты ляжешь на сук, покрытый листьями, всякий подумает, что ты свет, проходящий сквозь листву; на тропинке ты тоже не будешь виден. Думай об этом и мурлыкай.

– Но если мои пятна так удобны, – заметил леопард, – почему ты сам не стал пятнистым?

– О, негру приличнее быть черным, – ответил эфиоп. – Пойдем же и посмотрим, не сумеем ли мы справиться с мистрис Раз-Два-Три-Где-Завтрак?

Они убежали и с тех пор, моя любимая, жили хорошо и счастливо. Вот и все.

Ах, да; иногда ты услышишь, как взрослые говорят: может ли эфиоп переменить свою кожу или леопард сбросить с себя пятна? Я думаю, что вряд ли даже взрослые спрашивали бы такие глупости, если бы леопард и один эфиоп уже не сделали такой вещи. Правда? Но еще раз они не сделают ничего подобного; они и так вполне довольны.

Слон-дитя

Много-много лет тому назад, моя любимая, у слона не было хобота – только черноватый толстый нос, величиной с сапог; правда, слон мог поворачивать его из стороны в сторону, но не поднимал им никаких вещей. В это же время жил на свете очень молодой слон, слон-дитя. Он был страшно любопытен, а потому вечно всем задавал различные вопросы. Жил он в Африке, и никто в этой обширной стране не мог насытить его любопытства. Однажды он спросил своего рослого дядю страуса, почему самые лучшие перья растут у него на хвосте, а страус вместо ответа ударил его своей сильной лапой. Свою высокую тетю жирафу слоненок спросил, откуда появились пятна на ее шкуре, и эта тетка слоненка лягнула его своим твердым-претвердым копытом. И все-таки молодой слон продолжал быть любопытным. Толстую гиппопотамиху он спросил, почему у нее такие красные глаза, она же ударила его своей толстой-претолстой ногой; тогда он спросил своего волосатого дядю бабуина, почему у дынь дынный вкус, и волосатый дядя бабуин шлепнул его своей волосатой-преволосатой лапой. А все-таки слоника переполняло ненасытное любопытство. Он расспрашивал обо всем, что видел, слышал, чуял, осязал или обонял, и все дяди и тети слона-ребенка только толкали да били его; тем не менее в нем так и кипело неутолимое любопытство.

В одно прекрасное утро, во время приближения равноденствия, любопытный слон-дитя задал новый вопрос, которого раньше никогда не задавал. Он спросил: «Что подают крокодилу на обед?» И все сказали: «Тс!» – громким и опасливым шепотом, потом начали колотить его и долгое время все колотили да колотили.

Наконец, когда наказание окончилось, слон-дитя увидел птицу колоколо; она сидела в середине тернового куста, который как бы говорил: «Погоди, погоди». И слоник сказал: «Мой отец бил меня; моя мать била меня; мои тетки и дяди меня колотили, и все за то, что я так ненасытно любопытен, а мне все-таки хочется знать, что крокодил ест за обедом?»

Колоколо-птица печально вскрикнула и сказала:

– Пойди к берегам большой серовато-зеленой тихой реки Лимпопо, окаймленной деревьями, от которых заболевают лихорадкой, и тогда узнаешь.

На следующее же утро, когда от равноденствия не осталось и следа, любопытный слон-дитя, взяв сотню фунтов бананов (маленьких, коротких и желтых), тысячу фунтов стеблей сахарного тростника (длинных, лиловых), семнадцать дынь (зеленых, хрупких), сказал всем своим дорогим родственникам:

– Прощайте, я иду к серо-зеленой болотистой реке Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой, и увижу, чем обедает крокодил.

Все родственники поколотили его просто так, на счастье,

и колотили долго, хотя он очень вежливо просил их перестать.

Наконец, слоненок ушел; ему было немного жарко, но он этому не удивлялся, ел дыни и бросал корки; ведь поднять-то их с земли он не мог.

Шел он от города Грегема до Кимберлея, от Кимберлея до области Кама, от области же Кама направился на север и на запад и все время ел дыни; наконец, слон-дитя пришел к берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой. Здесь все было так, как сказала птица колоколо.

Теперь, моя любимая, ты должна узнать и понять, что до этой самой недели, до этого самого дня, часа, даже до последней минутки любопытный слоник-дитя никогда не видывал крокодила и даже не знал, каков он на вид. Оттого-то ему и было так любопытно взглянуть на это создание.

Прежде всего он увидел двухцветного питона скал; эта огромная змея лежала, окружив своими кольцами камень.

– Извините за беспокойство, – очень вежливо сказал слон-дитя, – но, пожалуйста, ответьте мне, не видели ли вы где-нибудь в окрестностях что-нибудь вроде крокодила?

– Видел ли я крокодила? – ответил двухцветный питон скал голосом презрительным и злобным. – Ну, что ты еще спросишь?

– Извините, – продолжал дитя-слон, – но не можете ли вы любезно сказать мне, что он кушает за обедом?

Двухцветный питон скал быстро развернулся и ударил слоника своим чешуйчатым, похожим на бич хвостом.

– Что за странность, – сказал слон-дитя, – мой отец и моя мать, мой дядя и тетя, уже не говоря о моей другой тете, гип-попотамихе, и моем другом дяде, бабуине, били меня и лягали за мое ненасытное любопытство, а теперь, кажется, опять начинается то же самое.

Он очень вежливо простился с двухцветным питоном скал, помог ему обвить телом скалу и ушел; слонику стало жарко, но он не чувствовал усталости; ел дыни и бросал корки, так как не мог их поднимать с земли. И вот слон-дитя наступил на что-то, как ему показалось, на бревно, лежавшее на самом берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, обросшей деревьями, от которых веет лихорадкой.

А это и был крокодил, моя любимая, и крокодил этот подмигнул одним глазком.

– Извините меня, – очень вежливо сказал слон-дитя, – но не видали ли вы где-нибудь поблизости крокодила?

Крокодил подмигнул другим глазом, приподняв из ила свой хвост; слон-дитя вежливо шагнул назад; ему не хотелось, чтобы его били.

– Подойди-ка сюда, малыш, – сказал крокодил. – Почему ты это спрашиваешь?

– Прошу извинения, – очень вежливо ответил слон-дитя, – но мой отец бил меня; моя мать меня била, словом, меня били все, не говоря уже о моем рослом дядюшке страусе и

моей высокой тетушке жирафе, которые жестоко лягаются; не упоминая также о моей толстой тетке, гиппопотамике, и моем волосатом дяде, бабуине, и включая двухцветного питона скал с его чешуйчатым, похожим на бич хвостом, который бьет сильнее всех остальных; итак, если вам не очень этого хочется, прошу вас не стегать меня хвостом.

– Поди сюда, малыш, – протянул крокодил, – дело в том, что я крокодил. – И чтобы доказать, что он говорит правду, крокодил заплакал крокодиловыми слезами.

Слон-дитя перестал дышать от удивления; потом, задыхаясь, опустился на берегу на колени и сказал:

– Именно вас я искал все эти долгие-долгие дни. Не согласитесь ли вы сказать, что вы кушаете за обедом?

– Подойди поближе, малыш, – сказал крокодил. – И я шепну тебе это на ушко.

Слон-дитя пододвинул свою голову к зубастой пасти крокодила, и крокодил схватил слоненка за его короткий нос, который до той самой недели, до того дня, часа и до той минуты был не больше сапога, хотя и гораздо полезнее всякой обуви.

– Кажется, – сказал крокодил (он сказал это сквозь зубы), – кажется, сегодня я начну обед со слоненка.

Услышав это, моя любимая, слоник почувствовал досаду и сказал в нос:

– Пусти! Мне больно!

В эту минуту двухцветный питон скал опустился с берега

и сказал:

– Мой юный друг, если ты сейчас же не потянешь свой нос изо всех сил, я полагаю, твой новый знакомый, покрытый патентованной кожей (он подразумевал «крокодил»), утащит тебя в глубину этого прозрачного потока раньше, чем ты успеешь проговорить: «Джек Робинзон».

Именно таким образом всегда говорят двухцветные питоны скал.

Слон-дитя послушался питона скал; он присел на задние ножки и стал дергать свой нос из пасти крокодила; он все дергал да дергал его, и нос слоненка начал вытягиваться. Крокодил же возился и бил по воде своим большим хвостом, так что она пенилась; в то же время он тащил слоника за нос.

Нос слоненка продолжал вытягиваться; слоник расставил все свои четыре ножки и не переставал дергать свой нос из пасти крокодила, и его нос становился все длиннее и длиннее. Крокодил же водил по воде своим хвостом, как веслом, и все тянул да тянул слоника за нос; и каждый раз, как только он дернет за этот носик, тот делается длиннее. Слонику было ужасно больно.

Вдруг слон-дитя почувствовал, что его ноги скользят; он так и поехал на них по дну; наконец, говоря в нос, который теперь вытянулся почти на пять футов, слоненок выговорил: «С меня довольно!»

Двухцветный питон скал спустился в воду, обвил задние ноги слоника как бы двумя петлями каната и сказал:

– Неблагодарный и неопытный путешественник, с этой минуты мы серьезно посвятим себя важному делу, постараемся тянуть твой нос изо всех сил, так как сдается мне, что этот самодвижущийся военный корабль с броней на верхней палубе (этими словами, моя любимая, он обозначал крокодила) будет мешать твоим дальнейшим движениям.

Все двухцветные питоны скал всегда говорят в таких запутанных выражениях.

Двухцветный питон тянул слоника; слон-дитя тянул свой нос; крокодил тоже тянул его; но слон-дитя и двухцветный питон скал тянули сильнее, чем крокодил, и тот, наконец, выпустил нос слона-ребенка, при этом вода так плеснула, что этот плеск можно было услышать по всей длине реки Лимпопо, вверх и вниз по течению.

В то же время слон-дитя внезапно сел, вернее, шлепнулся в воду, но перед этим сказал питону: «Благодарю!» Затем он позаботился о своем бедном носе, за который его так долго дергали, завернул его в свежие банановые листья и опустил в воду большой серо-зеленой тихой реки Лимпопо.

– Зачем ты это делаешь? – спросил его двухцветный питон скал.

– Прошу прощения, – ответил слон-дитя, – но мой нос совсем потерял свою форму, и я жду, чтобы он сморщился и уменьшился.

– Долго же тебе придется ждать, – сказал двухцветный питон скал. – А все-таки замечу, что многие не понимают сво-

их выгод.

Три дня слон-дитя сидел и ждал, чтобы его нос уменьшился. Но этот нос не делался короче; кроме того, ему приходилось жестоко косить глазами. Моя любимая, ты поймешь, что крокодил вытянул нос слоника в самый настоящий хобот, вроде тех, какие ты увидишь теперь у всех слонов.

На третий день прилетела муха цеце и укусила слоника в плечо. Слоник же, сам не понимая, что он делает, поднял свой хобот и его концом убил муху.

– Выгода номер один, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы этого сделать своим носом-коротышкой. Ну, теперь попробуй поесть.

Еще не успев подумать, что он делает, слон-дитя протянул свой хобот, сорвал большой пучок травы, поколотил эти зеленые стебли о свои передние ноги, чтобы сбросить с них пыль, и, наконец, засунул их себе в рот.

– Выгода номер два, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы сделать этого своим носом-коротышкой. Как тебе кажется, не слишком ли печет солнце?

– Да, – согласился слон-дитя и, еще не успев подумать, что он делает, зачерпнул из серо-зеленой болотистой реки Лимпопо ила и намазал им свою голову; из ила получилась прохладная илистая шляпа; вода с нее текла за ушами слона-ребенка.

– Выгода номер три, – сказал двухцветный питон скал. – Ты не мог бы сделать этого своим прежним носом-коротыш-

кой. Ну а что ты скажешь насчет колотушек, которыми тебя угощали? Опять начнется прежнее?

– Прошу извинения, – сказал слон-дитя, – мне совсем не хочется этого.

– Не приятно ли будет тебе поколотить кого-нибудь? – спросил слоника двухцветный питон скал.

– Мне очень хотелось бы этого, – ответил слон-дитя.

– Хорошо, – проговорил двухцветный питон скал, – ты увидишь, что твой новый нос окажется полезным, когда ты вздумаешь поколотить им кого-либо.

– Благодарю, – сказал слон-дитя, – я это запомню, а теперь пойду домой, к моим дорогим родственникам, и посмотрю, что будет дальше.

Слон-дитя действительно пошел к себе домой через Африку; он помахивал и крутил своим хоботом. Когда ему хотелось поесть плодов с деревьев, он доставал их с высоких ветвей; ему не приходилось, как прежде, ждать, чтобы плоды эти падали на землю. Когда ему хотелось травы, он рвал ее с земли и ему не нужно было опускаться на колени, как он делал это в прежнее время. Когда его кусали мухи, он срывал с дерева ветку и превращал ее в опахало; когда солнце жгло ему голову, он делал себе новую прохладную влажную шляпу из ила или глины. Когда ему делалось скучно, он пел, вернее, трубил через свой хобот, и эта песня звучала громче, тем музыка нескольких духовых оркестров. Он умышленно сделал крюк, чтобы повидаться с толстой гиппопотамихой

(она не была в родстве с ним), и сильно отколотил ее хоботом, чтобы посмотреть, правду ли сказал двухцветный питон скал. Весь остаток времени он подбирал с земли дынные корки, которые побросал по дороге к Лимпопо. Он делал это потому, что был очень опрятным животным из рода толстокожих.

В один темный вечер слон-дитя вернулся к своим дорогим родственникам, свернул свой хобот в кольцо и сказал:

– Как вы поживаете?

Все они были очень рады повидаться с ним и тотчас же сказали:

– Подойди-ка поближе, мы отшлепаем тебя за твое неутолимое любопытство.

– Ба, – сказал слон-дитя, – я не думаю, чтобы кто-нибудь из вас умел драться; вот я умею колотить и сейчас научу вас этому.

Тут он выпрямил свой хобот, ударил двоих из своих милых родственников, да так сильно, что они полетели кувыркоком.

– Чудеса, – сказали они, – где ты выучился такой штуке? И скажи на милость, что ты сделал со своим носом?

– Крокодил устроил мне новый нос, и это случилось на берегу большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, – ответил слон-дитя. – Я его спросил, что у него бывает на обед, а он за это вытянул мой нос.

– Какое безобразие! – заметил бабуин, волосатый дядя

слоненка.

– Некрасив-то он некрасив, – сказал слон-дитя, – но очень удобен, – и, говоря это, слоненок обхватил хоботом одну ногу своего волосатого дядюшки, поднял его и посадил в осинное гнездо.

После этого дурной слоненок долго колотил всех своих дорогих родственников, колотил до тех пор, пока им не стало очень жарко. Они были донельзя удивлены. Слоненок подергал своего высокого дядю страуса за его хвостовые перья; поймал свою рослую тетушку жирафу за ее заднюю ногу и протащил ее через колючий терновый куст; когда его толстая тетка, гиппопотамиха, покушав, отдыхала в воде, он приставил свой хобот к самому ее уху, крикнул ей два-три слова, в то же время пустив несколько пузырьков через воду. Но ни в это время, ни позже, никогда никому не позволял обидеть птицу колоколо.

Наконец, все милые родственники слоненка начали так волноваться, что один за другим побежали к берегам большой серо-зеленой болотистой реки Лимпопо, затененной деревьями, от которых веет лихорадкой; каждый из них хотел получить новый нос от крокодила. Когда они вернулись домой, они уже не колотили друг друга; дядюшки и тетушки не трогали также и слоненка. С этого дня, моя любимая, у всех слонов, которых ты увидишь, и у всех, которых не увидишь, есть предлинные хоботы, совершенно такие, какой появился у любопытного слоненка.

Просьба старого кенгуру

Нашему старому кенгуру было вечно жарко; но в те времена, о которых я говорю, он был совсем другим зверьком и бегал на четырех коротеньких ногах. Шкурка у него была серая, пушистая, и он отличался гордым нравом. Странно, он больше всего гордился тем, что танцевал на горной площадке в центре Австралии. Вот однажды у него так закружилась голова, что он пошел к маленькому австралийскому богу Нка.

Пришел он к Нка в шесть часов утра и сказал:

– Пожалуйста, сделай так, чтобы к пяти часам пополудни я перестал походить на всех остальных животных.

Нка сидел на песке, услышав же просьбу старого кенгуру, подскочил и крикнул:

– Убирайся!

Кенгуру был весь серенький, пушистый и гордился тем, что танцевал на скале в середине Австралии. Он пошел к богу побольше, которого звали Нкинг.

Он пришел к Нкингу в восемь часов после завтрака и сказал:

– Пожалуйста, сделай меня непохожим на всех остальных зверей и, кроме того, устрой так, чтобы меня знали решительно все, и все это к пяти часам пополудни.

Нкинг сидел в норке, и, услышав, что ему говорит кенгу-

ру, он выскочил из нее и закричал:

– Убирайся!

Кенгуру был серенький, пушистый и у него была странная гордость: он гордился тем, что танцевал в центре Австралии. Подумав, он пошел к большому богу по имени Нконг.

Пришел он к нему в девять часов, до обеда, и сказал:

– Сделай так, чтобы я не походил на всех остальных зверей; сделай так, чтобы все обращали на меня внимание, чтобы за мной гонялись, и все это – к пяти часам пополудни.

Нконг купался в соленой воде; услышав просьбу кенгуру, он сел в воде и закричал:

– Хорошо, сделаю!

Нконг позвал динго, желтого пса динго, зверя вечно голодного и пыльного. Динго спал на солнышке, но проснулся. Нконг показал ему кенгуру и сказал:

– Динго, проснись, динго! Видишь господина, который танцует на песке? Он хочет прославиться, хочет также, чтобы за ним гонялись. Беги за ним, динго!

Динго, желтый пес динго, вскочил и сказал:

– Гонять этого зверька, не то кошку, не то кролика? Хорошо!

И динго, желтый пес динго, вечно голодный и грязный, побежал. Он гнался за кенгуру, открыв пасть широко, как совок для каменного угля.

А гордый кенгуру мчался на своих коротких четырех лапках и слегка подпрыгивал, как дикий кролик.

Вот, моя любимая, и конец первой части рассказа о кенгуру.

Кенгуру бежал через пустыню; бежал он через горы, бежал через солончаки, бежал через тростниковые заросли, бежал через рощи синих камедных деревьев, бежал через чащи араукарий, бежал так долго, что у него заболели передние ноги.

Вот как!

А динго, желтый пес динго, вечно голодный, преследовал его, раскрыв пасть широко, как мышеловку; он не догонял кенгуру, но и не отставал от него.

Вот как!

Кенгуру, старый кенгуру, все бежал. Бежал он через рощи деревьев, бежал по высокой траве, бежал по траве короткой, перебежал через тропики Рака и Козерога, бежал, пока наконец у него не заболели задние ноги.

Вот как!

И динго бежал, желтый пес динго; голод все больше и больше мучил его, и его пасть открылась широко, как конский хомут; он не догонял кенгуру, но и не отставал от него. Так прибежали они к реке Волгонг.

Надо тебе сказать, что на этой реке не было моста, не было и парома, и кенгуру не мог перебраться на ее другой берег, поэтому он поднялся на свои задние лапы и стал прыгать.

Прыгал он через камни, прыгал через кучи песка, прыгал по пустыням Средней Австралии. Прыгал, как прыгают кен-

гуру.

Сперва он делал прыжки в один ярд; потом в три ярда; потом в пять ярдов; его ноги становились сильнее; его ноги становились длиннее. Он не мог отдохнуть и подкрепить свои силы, хотя ему нужно было поесть и полежать.

А динго, желтый пес динго, по-прежнему гнался за ним. Динго страдал от голода и с удивлением спрашивал себя: «Какие земные или небесные силы заставляют старого кенгуру?»

Ведь кенгуру прыгал, как кузнечик, как горошина в кастрюле, как новый резиновый мячик на полу детской.

Вот как!

Он прижал к груди свои передние ноги и прыгал на задних; он вытянул хвост для равновесия и все прыгал и скакал по долине реки Дарлинга.

А динго, утомленный пес динго, бежал за ним. Ему больше прежнего хотелось есть, он был очень смущен, изумлен и все спрашивал себя, какие земные или небесные силы остановят старого кенгуру?

Вот Нконг выглянул из соленой лужи и сказал: «Пять часов».

И динго сел на землю, бедный пес динго; по-прежнему голодный, весь покрытый пылью, сел он на солнце и, высунув язык, завыл.

Сел и кенгуру, старый кенгуру, подставил свой хвост, как скамеечку, и сказал:

– Как я рад, что «это» кончено.

– Почему ты не поблагодаришь желтого пса динго? Почему ты не поблагодаришь его за все, что он для тебя сделал?

Кенгуру же, утомленный старый кенгуру, сказал:

– Он выгнал меня из дома, где я жил в детстве, он помещал мне есть в обычное время, он изменил мою фигуру, так что я никогда не сделаюсь прежним, и из-за него у меня болят ноги.

Нконг ему ответил:

– Если я не ошибаюсь, ты просил меня сделать тебя необыкновенным зверем, не похожим на всех остальных животных, а также, помнится, тебе хотелось, чтобы за тобой гонялись? И теперь пять часов.

– Правда, – сказал кенгуру. – Но мне жаль, что я попросил тебя об этом... Я думал, что ты изменишь меня волшебством и заклинаниями, а ты просто подшутил надо мной.

– Подшутил? – сказал Нконг, сидевший между синими камедными деревьями. – Только повтори это, и я призову динго, и он опять погонит тебя так, что ты останешься совсем без задних ног.

– Нет, – сказал кенгуру, – я извиняюсь. Ноги, во всяком случае, годятся, и я прошу тебя оставить их в покое. Я только хотел объяснить твоей милости, что я с утра ничего не ел и у меня пусто в желудке.

– Да, – сказал динго, желтый пес динго, – я чувствую совершенно то же самое. Мне удалось сделать его непохожим

на всех животных. Но что дадут мне к моему чаю?

Тогда Нконг, сидевший в соленой луже, сказал:

– Приди и спроси меня об этом завтра, потому что теперь я собираюсь мыться.

И два зверя, старый кенгуру и желтый пес динго, остались в центре Австралии и сказали друг другу:

– Это твоя вина!

Как появились броненосцы

Теперь, моя любимая, я расскажу тебе о том, что случилось в давно-давно прошедшие времена. Так вот, в эти далекие времена жил да был колючка-ежик, жил на берегах большой бурной реки Амазонки, где поедал улиток в раковинах, слизняков и тому подобные вещи. Он был очень дружен с тихоней-черепахой, которая тоже жила на берегу Амазонки, ела листики зеленого латука и другие растения. Ну, значит, все было в порядке, правда, моя любимая.

Но в те же самые стародавние времена на берегах бурной реки Амазонки жил пятнистый ягуар и ел все, что только мог поймать. Когда ему не удавалось поймать оленя или обезьяну, он ел лягушек и жуков. Однажды ему не удалось проглотить ни одной лягушки, ни одного жука; опечаленный зверь пошел к своей матери-ягуарихе, и она научила его ловить ежей и черепах. Грациозно помахивая своим хвостом, она несколько раз повторила:

– Сынок, когда ты увидишь ежа, брось его в воду; там он развернется; когда же ты поймаешь черепаху, выцарапай ее когтями из ее панциря.

Совет был хорош, душечка моя.

В одну прекрасную ночь пятнистый ягуар натолкнулся на берегу реки Амазонки на колючку-ежика и тихоню-черепаху; два друга сидели под стволом упавшего дерева. Бежать

им было некуда; поэтому колючка-ежик свернулся в колючий шар: ведь на то он и был ежик. Тихоня же втянула свою голову и лапки под панцирь: ведь на то она и была черепаха. Значит, крошечка моя, они поступили умно. Правда?

– Ну-с, прошу обратить на меня внимание, – сказал пятнистый ягуар, – дело серьезное; моя матушка сказала мне: «Если ты встретишь ежа, брось его в воду, тогда он развернется; если ты увидишь черепаху, выцарапай ее лапой из-под ее панциря». Теперь объясните – кто из вас еж и кто черепаха? Сам я решительно не могу понять этого.

– А ты хорошо помнишь, что именно сказала тебе твоя матушка? – спросил колючка-ежик. – Хорошо ли ты помнишь ее слова? Не сказала ли она, что, вынув ежа из-под его оболочки, тебе следует бросить этого зверя на панцирь?

– Ты вполне уверен, что тебе сказала твоя мама? – проговорила также тихоня-черепаха. – Ты вполне уверен в этом? Может быть, она велела тебе подбросить ежика лапой, а черепаху царапать до тех пор, пока она не развернется? Не это ли советовала тебе твоя мамаша?

– Кажется, она говорила совсем другое, – протянул пятнистый ягуар, но он был сбит с толку. – Пожалуйста, повторите, что вы сказали, только хорошенько, чтоб я понял все.

– Поцарапав воду лапой, ты должен распрямить когти ежом, – сказал колючка. – Запомни это; это очень важно.

– Но, – прибавила черепаха, – когда ты схватишь когтями мясо, ты уронишь его в черепаху. Как ты этого не понима-

ешь!

– Я ровно ничего не понимаю, – ответил пятнистый ягуар, – кроме того, я у вас не спрашивал совета. Я только хотел знать, кто из вас еж и кто черепаха?

– Этому я учить тебя не стану, – сказал колючка. – Но если желаешь, выцарапай меня из моих щитов.

– Ага, – сказал пятнистый ягуар, – теперь мне понятно; ты – черепаха. А ты думала, я этого не пойму? Ну-ка!..

Пятнистый ягуар быстро протянул свою мягкую лапу, как раз в ту минуту, когда колючка свернулся в колючий шар. И конечно, иглы жестоко искололи лапу ягуара. Хуже того, пятнистый зверь катил колючку все дальше и дальше по лесу и, наконец, закатил ежика в такие темные кусты, где никак не мог найти его. Опечаленный ягуар взял в рот свою исколотую лапу, и уколы на ней заболели сильнее прежнего. Он сказал:

– Теперь я понимаю; это была совсем не черепаха. Ну, – тут он почесал голову здоровой лапой, – как узнать, что другой зверек – черепаха?

– Да, я черепаха, – проговорила тихоня. – Твоя матушка сказала совершенную правду. Она велела тебе выцарапать меня из-под моих щитов. Начинай же!

– А минуту тому назад ты говорила совсем другое, – сказал пятнистый ягуар, высасывая из своей мясистой лапы засевшие в ней иголочки ежа. – Ты говорила, что мать учила меня чему-то другому.

– Хорошо, предположим, ты сказал, что я сказала, будто она сказала что-то совсем другое, но какая же в этом разница? Ведь если она сказала то, что ты сказал, будто она сказала, выходит совершенно, что как будто я сказала то же самое, что она сказала. С другой стороны, если тебе кажется, будто она велела тебе развернуть меня ударом когтей, а не кинуть в реку вместе с моими щитами, я в этом случае не виновата. Ну, разве я виновата?

– Да ведь ты же хотела, чтобы я выцарапал тебя из твоих щитов? – заметил пятнистый, точно раскрашенный, ягуар.

– Подумай-ка хорошенько и ты поймешь, что я не говорила ничего подобного. Я сказала, что твоя мать советовала тебе выцарапать меня когтями из моего панциря, – сказала тихоня.

– А что тогда будет? – спросил ее ягуар и осторожно понюхал воздух.

– Не знаю; ведь меня до сих пор еще никогда не выцарапывали из-под моей покрывки; но, по правде скажу тебе вот что, если тебе хочется видеть, как я плаваю, брось меня в воду.

– Я не верю тебе, – ответил пятнистый ягуар. – Вы оба говорили вздор, перепутали все, чему учила меня моя мама, и я совсем сбился с толку и, кажется, не знаю, стою ли я на голове или на моем раскрашенном хвосте. Вот теперь ты говоришь мне слова, которые я могу понять, но это не помогает, а только еще больше прежнего смущает меня. Я отлич-

но помню, что моя мать учила одного из вас бросить в воду; ну, раз тебе, по-видимому, так хочется очутиться в реке, мне кажется, в глубине души ты не желаешь, чтобы я тебя бросил в волны. Итак, прыгай в воду Амазонки, да скорее.

– Предупреждаю, твоя мамочка не останется этим довольна. Смотри же, скажи ей, что я тебя предупреждала, – проговорила тихоня.

– Если ты скажешь еще слово о том, что говорила моя мать... – ответил ягуар, но не успел договорить, потому что тихоня спокойно нырнула в Амазонку, долго плыла под водой и вылезла на берег в том самом месте, где ее ждал колючка.

– Мы едва не погибли, – сказал ежик. – Откровенно говоря, мне не нравится этот пятнистый ягуар. Что ты ему сказала о себе?

– Я честно сказала ему, что я черепаха; но он не поверил, заставил меня броситься в воду, чтобы увидеть, кто я такая. Я оказалась черепахой, а он удивился. Теперь он побежал к своей мамаше рассказывать о случившемся. Слышишь его голос?

Рев ягуара звучал среди деревьев и кустов на берегу реки Амазонки; наконец пришла ягуариха-мать.

– Ах, сынок, сынок, – сказала она и несколько раз грациозно махнула своим хвостом. – Я вижу, что ты сделал что-то, чего тебе не следовало делать. Признавайся.

– Я постарался выцарапать лапой зверька, который ска-

зал, что он желает быть выцарапанным из своей скорлупы, и теперь в моей мясистой лапе занозы, – пожаловался пятнистый ягуар.

– Ах, сынок, сынок, – повторила ягуариха и много раз грациозно помахала хвостом, – раз ты занозил свою лапу иглами, я вижу, что с тобой был еж. Вот его-то и следовало бросить в воду.

– Я кинул в реку другого зверька; он назвался черепахой; я ему не поверил, но это действительно была черепаха; она нырнула в Амазонку и не выплывает. Мне же нечего есть, и я думаю, не лучше ли нам переселиться на новую квартиру? Звери на берегу Амазонки слишком умны и хитры для меня, бедного.

– Сынок, сынок, – сказала ягуариха и еще несколько раз помахала своим хвостом. – Слушай меня и хорошенько запомни мои слова. Еж сворачивается клубком и его иглы торчат во все стороны. Вот как легко узнать ежа.

– Мне совсем не нравится эта пожилая дама, – сказал ежик-колючка, сидевший в тени большого листа. – Что еще знает она?

– Черепаха не может сворачиваться клубком, – продолжала ягуариха, по-прежнему шевеля хвостом. – Она только прячет лапки и голову под свой панцирь. Черепаху легко узнать.

– Эта старая дама мне совсем-совсем не нравится, – сказала тихоня. – Даже пятнистый ягуар не забудет таких на-

ставлений. Как жаль, колючка, что ты не умеешь плавать.

– Пожалуйста, помолчи, – сказал ежик. – Лучше подумай, как было бы хорошо, если бы ты могла сворачиваться в шар. Ну, заварилась каша! Ты лучше послушай, что говорит ягуар.

А пятнистый ягуар сидел на берегу бурной Амазонки, высасывая из своей мясистой лапы иглы ежика, и повторял:

– Не может сворачиваться клубком, но плавает – это тихоня-черепаха; сворачивается клубком, но не плавает – колючка-еж.

– Этого он ни за что не забудет, – сказал колючий ежик. – Поддерживай меня под подбородок, тихоня; я попробую научиться плавать. Уменье плавать может оказаться полезным.

– Превосходно, – сказала тихоня и, пока колючка барахтался в воде Амазонки, поддерживала его, чтобы он не утонул.

– Ты скоро научишься плавать, – сказала черепаха. – Теперь, если ты немножко распустишь шнурки, которыми стянут мой верхний щит, я посмотрю, не удастся ли мне свернуться в шар. Это может оказаться полезным.

– Очень хорошо.

Ежик раздвинул спинные пластины панциря черепахи, и, после многих и долгих стараний, тихоне действительно удалось согнуться.

– Превосходно, – сказал колючка, – но на твоём месте я отдохнул бы немного. А то, смотри, твоя мордочка совсем

почернела от натуги. Пожалуйста, отведи меня в воду, и я попробую плавать боком. Ведь ты говорила, что это так легко.

И колючка снова стал учиться плавать; тихоня держалась рядом с ним.

– Отлично, – сказала черепаха. – Еще поучишься и будешь плавать, как кит. Теперь, пожалуйста, распусти мой корсетик еще больше, и я попробую наклониться вперед. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

– Прелестно, – сказал ежик, сбрасывая с себя капли воды. – Право, я принял бы тебя за зверька нашей породы. Ты, кажется, велела распустить твой корсет на две шнуровки? Пожалуйста, побольше выразительности в движениях и не ворчи так громко, не то пятнистый ягуар услышит. Когда ты кончишь упражнения, я попробую нырять. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

И колючка-ежик нырнул; тихоня-черепаха нырнула рядом с ним.

– Отлично, – сказала тихоня. – Научись только задерживать дыхание, и тогда строй себе дом на дне бурной Амазонки. – Теперь я попробую закладывать задние лапки себе за уши. По твоим словам, это такое приятное положение. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

– Великолепно, – похвалил черепашку колючка, – но твои спинные чешуйки немного расходятся, теперь они все приподнялись и не лежат одна рядом с другой.

– Ничего, это от упражнений, – сказала тихоня. – Я заметила, что теперь, когда ты сворачиваешься, твои иглы торчат пучками и ты больше походишь на ананас, чем на шелуху каштана.

– Да? – спросил колючка. – Они слиплись, потому что я долго пробыл в воде. Вот удивится-то пятнистый ягуар!

Так они продолжали учиться – ежик плавать, а черепаха сворачиваться клубком, и помогали друг другу. Это продолжалось до утра. Когда солнце поднялось высоко, два друга легли отдыхать и сохнуть, когда же они высохли, то увидели, что совсем перестали походить на прежних ежика и черепаху.

– Колючка, – после завтрака сказала черепаха, – я совсем не такая, как была вчера, и мне кажется, я могу позабавить пятнистого ягуара.

– То же самое и я думал, – сказал ежик, – и нахожу, что чешуйки гораздо лучше, чем иглы; я не говорю уже о том, как хорошо и важно уметь плавать. Да, пятнистый ягуар очень удивится. Пойдем к нему.

Через некоторое время они увидели пятнистого ягуара; он все еще лечил свою исколотую мясистую лапу. Увидев своих друзей, ягуар так изумился, что сделал три шага назад, наступая на свой собственный, как будто раскрашенный хвост.

– Здравствуй! – сказал ему колючка. – Как чувствует себя сегодня твоя прелестная грациозная мамочка?

– Она совершенно здорова, благодарю, – сказал пятни-

стый ягуар. – Но прошу извинения, я не помню твоего имени.

– Как это нехорошо с твоей стороны! – сказал колючка-ежик. – Ведь именно в это самое время ты вчера старался выцарапать меня когтями из моего панциря.

– Да ведь вчера у тебя не было щитков! Ты ведь был в иголках, – возразил пятнистый ягуар. – Я это отлично знаю. Только посмотри на мою лапу.

– Ты посоветовал мне кинуться в бурную Амазонку и утонуть, – сказала тихоня. – Почему же сегодня ты сделался так нелюбезен и совсем потерял память?

– Разве ты не помнишь слов своей матери? – спросил колючка и прибавил: – Не сворачивается клубком, но плавает – колючка; сворачивается клубком, но не плавает – тихоня.

Они оба свернулись и стали кататься вокруг пятнистого ягуара и так долго катались вокруг него, что его глаза стали круглы и огромны, как колеса у телеги.

Он убежал к своей матери.

– Мама, – сказал ягуар, – сегодня я видел в лесу двух новых зверьков; и знаешь ли, тот, про которого ты сказала, что он не может плавать, – плавает; тот, про которого ты говорила, что он не умеет сворачиваться, – сворачивается. Кроме того, они, кажется, поделили иголки; на обоих чешуя, тогда как прежде один был гладкий, а другой весь колючий; наконец, они оба катаются, и я страшно встревожен.

– Сынок, сынок, – сказала ягуариха, грациозно обмахива-

ясь своим хвостом, – еж всегда останется ежом и не может быть ничем, кроме ежа; черепаха и есть черепаха и никогда не сделается другим зверьком.

– Но это уже не еж и не черепаха. Эти зверьки похожи и на ежей и на черепах, и у них нет названия.

– Какой вздор! – сказала ягуариха. – У каждого существа и у каждой вещи есть свое собственное название. На твоём месте я, до поры до времени, называла бы их броненосцами, вот и все. Кроме того, я оставила бы их в покое.

Пятнистый ягуар исполнил совет матери; главное, оставил в покое двоих зверьков. Но вот что странно, моя любимая: с этого дня до нашего времени никто из живущих на берегах бурной реки Амазонки не называет тихоню и колючку иначе, как броненосцами. В других местах много ежиков и черепах (например, у меня в саду), но настоящие, старинные и умные существа с чешуйками, лежащими одна над другой, как листки ананаса, и в старые дни жившие на берегах Амазонки, называются броненосцами. Их зовут так, потому что они были необыкновенно умны и находчивы.

Значит, все это кончилось хорошо, моя любимая. Правда?

Как было написано первое письмо

Очень-очень давно на свете жил первобытный человек. Жил он в простой пещере, не носил почти никакой одежды, не умел ни читать, ни писать, да ему совсем и не хотелось учиться читать или писать. Человек этот не чувствовал себя совершенно счастливым только в то время, когда он бывал голоден. Звали его, моя любимая, Тегумай Бопсулай, и это имя значило: «человек, который не спешит». Но мы с тобой будем его звать просто Тегумай; так короче. Жену его звали Тешумай Тевиндрой, что значит: «женщина, которая задает много вопросов»; мы же с тобой, моя любимая, будем звать ее Тешумай; это короче. Их маленькую дочку звали Тефимай Металлумай, что значит: «маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлепать»; но мы с тобой будем ее звать просто Тефи. Тегумай очень любил свою дочку, Тешумай тоже очень ее любила, и Тефи редко шлепали, хотя иногда следовало шлепать побольше. Все они были очень счастливы. Едва Тефи научилась бегать, она стала повсюду ходить со своим отцом, Тегумаем; иногда они долго не возвращались в пещеру и приходили домой, только когда они начинали хотеть есть. Тогда Тешумай говорила:

– Откуда это вы пришли такие грязные? Право, мой Тегумай, ты не лучше моей Тефи.

Ну, теперь слушай повнимательнее.

Как-то раз Тегумай Бопсулай пошел через бобровое болото к реке Вагаи; он хотел наловить острогой карпов на обед; с ним пошла и Тефи. Острога Тегумая была деревянная; на ее конце сидели зубы акулы. Еще до того, как ему удалось поймать хоть одну рыбу, он так сильно ударил острогой в речное дно, что она сломалась. Тегумай и Тефи были очень-очень далеко от дома и, понятно, принесли с собой в маленьком мешке завтрак; запасных же острог Тегумай не захватил.

– Вот так наловил рыбы! – сказал Тегумай. – Теперь мне половину дня придется провозиться с починкой сломанной остроги.

– Дома осталось твое большое черное копье, – сказала Тефи. – Хочешь, я сбегая к нам в пещеру и попрошу маму дать мне его?

– Это слишком далеко; твои маленькие толстые ноженьки устанут, – сказал Тегумай. – Кроме того, ты, пожалуй, упадешь в болото и утонешь. Попробуем обойтись и так.

Он сел на землю, вынул из-за пояса маленький кожаный мешок, в котором лежало все необходимое для починки – жилы северных оленей, полоски кожи, куски пчелиного воска, смола, – и принялся за починку остроги. Тефи тоже села на землю и болтала ножками в воде; подперев подбородок рукой, она сильно задумалась, подумав же, сказала:

– Знаешь, папа, ужасно неудобно, что мы с тобой не умеем писать. Если бы мы писали, мы могли бы послать письмо про новую острогу.

– Тефи, – заметил Тегумай, – сколько раз говорил я тебе, что следует говорить прилично. Нехорошо говорить «ужасно»; но это правда было бы хорошо, если бы мы могли написать домой.

Как раз в это время на берегу реки показался чужой человек; он принадлежал к жившему далеко племени по названию тевара и не понял, о чем говорили Тегумай с дочерью. Он остановился на берегу и улыбнулся маленькой Тефи, потому что у него самого дома была дочка. Между тем Тегумай вынул сверток оленьих жил из кожаного мешочка и стал чинить свою острогу.

– Слушай, – сказала Тефи чужому человеку, – знаешь ты, где живет моя мамочка?

– Гум, – ответил человек; ведь ты знаешь, что он был из племени тевара.

– Какой глупый, – сказала Тефи и топнула ножкой.

Ей было досадно, потому что она видела, как целая стая крупных карпов идет вверх по течению реки, а ее отец не может поймать их своей острогой.

– Не надоедай взрослым, – сказал Тегумай.

Он был так занят починкой остроги, что даже не повернулся.

– Да я не надоедаю, – сказала Тефи. – Я только хочу, чтобы он исполнил мое желание, а он не понимает.

– В таком случае не надоедай мне, – сказал Тегумай и продолжал дергать и вытягивать оленьи сухожилия, забирая в

рот их концы. Чужой человек сел на траву, и Тефи ему показала, что делал ее отец.

Человек из племени тевара подумал: «Какой удивительный ребенок! Она топнула на меня ногой, а теперь строит мне гримасы. Вероятно, она дочь этого благородного вождя, который так важен, что не обращает на меня внимания».

И он особенно вежливо улыбнулся им обоим.

– Теперь, – сказала Тефи, – поди к моей маме. Твои ноги длиннее моих, и ты не упадешь в бобровое болото; хочу я также, чтобы ты попросил у нее другую папину острогу, большую, с черной рукояткой. Она висит над нашим очагом.

Чужой человек (из племени тевара) подумал: «Это очень, очень странная маленькая девочка. Она размахивает руками и кричит мне что-то совершенно непонятное. Между тем, если я не исполню ее желания, важный вождь, человек, который сидит спиной ко мне, пожалуй, рассердится».

Подумав это, тевара поднялся с земли, сорвал с березы большой кусок коры и подал его Тефи. Он сделал это, моя любимая, с целью показать, что его сердце бело, как береста, и что у него нет злых намерений; Тефи же неправильно поняла его.

– А, вижу! – сказала она. – Ты хочешь знать адрес моей мамы? Правда, я не могу писать, но я умею рисовать картинки, если у меня есть в руках что-нибудь острое. Пожалуйста, дай мне на время акулий зуб с твоего ожерелья.

Тевара ничего не сказал; тогда Тефи протянула свою ма-

ленькую ручку и дернула за висевшее на его шее прекрасное ожерелье из бисера, жемчуга и зубов акулы.

Чужой человек (помнишь – тевара?) подумал: «Какой удивительный ребенок. Акулий зуб в моем ожерелье – зуб волшебный, и мне всегда говорили, что тот, кто без моего позволения дотронется до него, немедленно распухнет или лопнет; между тем эта маленькая девочка не раздувается и не лопаётся, а важный вождь, человек, который занимается своим делом и еще не обратил на меня внимания, кажется, совсем не боится, что она раздуется, улетит или лопнет. Буду-ка я еще вежливее».

И он дал Тефи зуб акулы. Она тотчас легла на свой животик, задрав ножки, как это делают некоторые знакомые мне девочки на полу гостиной, когда они рисуют в своей тетрадке.

– Теперь я нарисую тебе несколько прехорошеньких картинок, – сказала Тефи. – Смотри через мое плечо, только не толкай меня. Прежде всего я нарисую, как мой папа ловит рыбу. Видишь, он вышел не очень похож, но мама его узнает, потому что я нарисовала его сломанную острогу. Теперь нарисую другую острогу, ту, которая ему нужна, острогу с черной рукояткой. У меня получилось, что она засела в спине папы, но это только потому, что акулий зуб скользнул, а кусок бересты недостаточно велик. Мне хочется, чтобы ты принес ее сюда; я нарисую себя, и мама увидит, что я объясню тебе, что именно нужно сделать. Мои волосы не торчат

вверх, как вышло на картинке, но иначе я не могла нарисовать их. Вот и ты готов. Ты мне кажешься очень красивым, но я не могу сделать тебя хорошеньким на картинке; не обижайся же. Ты не обиделся?

Чужой человек (тевара) улыбнулся. Он подумал: «Вероятно, где-то должна произойти огромная битва, и этот странный ребенок, который взял волшебный зуб акулы, но не раздувается и не лопается, просит меня позвать народ на помощь великому вождю. Он, конечно, великий вождь; не то, без сомнения, заметил бы меня».

– Смотри, – сказала Тефи, продолжая усиленно нацарапывать рисунки, – вот я нарисовала тебя и вложила в твою руку ту острогу, которая нужна папе; я сделала это, чтобы ты не забыл моей просьбы. Теперь я покажу тебе, как отыскать место, где живет моя мама. Ты пойдешь все прямо и прямо, до двух деревьев; видишь, вот эти деревья; потом ты поднимешься на холм и спустишься с него; видишь, вот и холм. После холма ты увидишь болото, полное бобров. Я не нарисовала бобров целиком; это для меня слишком трудно; я нацарапала их круглые головы; впрочем, перебираясь через болото, ты только и увидишь их головы. Смотри, не упади в топь. Наша пещера сразу за болотом. По-настоящему, она не так высока, как горы, но я не умею рисовать очень маленькие вещи. Около нее моя мама. Она очень красива. Она самая красивая мамочка в мире, но не обидится, когда увидит, что я нарисовала ее безобразной, напротив, она останет-

ся довольна, что я могу рисовать. Вот здесь острога, которая нужна папе; я нарисовала ее подле входа в пещеру, чтобы ты не забыл о ней; по-настоящему-то, она внутри пещеры, но ты покажи картинку моей маме, и она даст тебе острогу. Я нарисовала у мамы поднятые руки, так как знаю, что она обрадуется, когда ты придешь. Ну, разве это не отличная картинка? И хорошо ли ты понял все, или лучше еще раз объяснить тебе, что значат мои рисунки?

Чужой человек (он был из племени тевара) посмотрел на картинку и несколько раз кивнул головой.

Себе он сказал: «Если я не созову всего племени на помощь этому великому вождю, его убьют враги, которые бегут к нему со всех сторон с копьями в руках. Теперь я понимаю, почему великий вождь делает вид, будто не замечает меня. Он боится, что враги, которые прячутся в кустах, увидят, как он дает мне какое-то поручение. Поэтому он и повернулся ко мне спиной и приказал умной и удивительной маленькой девочке нарисовать страшную картинку, которая показывает все его затруднения. Я пойду и приведу к нему на помощь его племя».

Тевара даже не спросил у Тефи, куда надо идти; он просто быстро, как ветер, кинулся в чашу, унося с собой бересту. Тефи села на землю: она была довольна.

Вот картинка, которую нарисовала Тефи.

– Что ты там делала, Тефи? – спросил Тегумай. Он уже починил свою острогу и размахивал ею в воздухе.

– Я кое-что придумала, папа, – ответила Тефи. – Если ты не будешь меня расспрашивать, ты скоро сам все узнаешь и очень удивишься. Ты не можешь себе представить, до чего удивишься ты. Обещай мне, что ты обрадуешься!

– Отлично! – ответил Тегумай и пошел ловить рыбу острогой.

Чужой человек (ведь ты знаешь, он был из племени тевара) быстро бежал с картинкой на бересте, бежал, пока случайно не увидел Тешумай Тевиндрой подле входа в ее пещеру; она разговаривала с другими первобытными женщинами, которые пришли к ней, чтобы покушать ее первобытный завтрак. Тефи была очень похожа на свою мать; главное, лоб маленькой девочки и глаза были совсем такие же, как у Тешумай; поэтому тевара вежливо улыбнулся матери Тефи и передал ей исчерченный кусочек березовой коры. Он бежал быстро и потому задыхался, шипы колючих кустарников исцарапали его ноги, но он все-таки старался быть вежливым.

Как только Тешумай взглянула на рисунок дочери, она громко вскрикнула и кинулась на человека из племени тевара. Другие первобытные дамы сбили его с ног и все шесть уселись на нем рядом; Тешумай стала дергать его за волосы.

– Я вижу так же ясно, как длинный нос этого человека, – сказала мать Тефи, – что он исколол копьями моего бедного Тегумая и напугал мою бедную Тефи до того, что ее волосики стали дыбом на голове. Больше того, он принес мне ужасный рисунок, чтобы показать, каким образом он сделал

свое злое дело. Смотрите! – Тешумай Тевиндрой показала картину шести первобытным дамам, которые терпеливо сидели на лежащем человеке из племени тевара. – Смотрите, вот мой Тегумай, – говорила она, – видите, его рука сломана; вот копьё, торчащее из его спины, рядом с ним человек, который готовится бросить другое копьё в Тегумая; вот еще человек; он бросает из пещеры копьё, а вот тут целая шайка людей (она показала на головы бобров, которые нарисовала Тефи, действительно похожие на человеческие головы); вся эта шайка бежит за Тегумаем. Разве это не ужасно?

– Ужасно! – сказали подруги Тешумай Тевиндрой и стала покрывать волосы тевара грязью (что очень его удивило). Потом они принялись бить в большой священный барабан своего племени и таким образом созвали всех вождей племени Тегумая, со всеми их помощниками, помощниками помощников и другими начальниками, а также с ангекоками, бонзами, людьми джу-джу, варлоками и тому подобными важными особами. Это собрание решило отрубить голову незнакомому человеку, но сначала заставить его отвести их вниз по течению реки и показать, куда он спрятал бедную маленькую Тефи.

На этот раз чужой человек (хотя он и был из племени тевара) рассердился. Ил и глина засохли в его волосах, женщины катали его взад и вперед по острым валунам, долго сидели на нем, колотили и толкали его так, что ему стало трудно дышать, и хотя он не понимал ни слова из их языка, однако

догадывался, что первобытные дамы называли его не очень любезными именами. Тем не менее он не говорил ни слова, пока не собралось племя Тегумая; после же этого отвел всех к берегу реки Вагаи. Они увидели Тефи, которая плела длинные гирлянды из ромашек, и Тегумая, снимавшего со своей починенной остроги очень маленького карпа.

– Быстро же ты пришел, – сказала Тефи. – Только зачем ты привел с собой так много народа? Это мой сюрприз, папа. Ты удивлен?

– Очень, – сказал Тегумай. – Только теперь сегодняшняя рыбная ловля пропала. Зачем сюда пришло наше огромное милое, доброе, чистое, красивое, спокойное племя, Тефи?

Действительно, пришло все племя. Впереди шагали Тешумай Тевиндрой и другие женщины; они крепко держали незнакомца, волосы которого были покрыты грязью. За женщинами шел главный вождь, вице-вождь, вождь-депутат, вождь-помощник, вооруженные с ног до головы начальники и их заместители; все со своими отрядами. За ними двигались простые люди, по старшинству, начиная с владельцев четырех пещер (по одной на каждое время года), затем владельцы собственных оленьих упряжек, лососьих заводов и кончая простолюдинами, имевшими право владеть половиной медвежьей шкуры, наконец, рабы, державшие под мышками кости. Все кричали, бранились и распугали рыбу на двадцать миль вокруг. Тегумай поблагодарил их в очень красноречивой первобытной речи.

Тешумай Тевиндрой подбежала к Тефи, долго целовала ее и прижимала к своей груди. Главный же вождь племени Тегумая схватил его за перья, торчавшие у него в волосах, и резко встряхнул его.

– Объясни, объясни, объясни! – прокричало племя.

– Что это? – сказал Тегумай. – Отпусти мои перья. Неужели человек не может сломать свою острогу для карпов без того, чтобы на него накинлось все племя? Как вы любите вмешиваться в чужие дела!

– Кажется, вы все-таки не принесли черной остроги моего папы, – сказала Тефи. – И что это вы делаете с моим милым незнакомцем?

Они действительно вскакивали на тевару по двое, по трое, по десяти за раз и били его ногами, так что он начал отчаянно вращать глазами. Хватая ртом воздух, бедняга мог только указать на Тефи.

– Где злые люди, которые ранили тебя копьями? – спросила Тешумай Тевиндрой.

– Здесь не было злых людей, – сказал Тегумай. – За целое утро ко мне подошел только бедный мальчик, которого вы стараетесь задушить. Не сошло ли ты с ума, о племя Тегумая?

– Он пришел к нам с ужасной картинкой, – сказал главный вождь, – на коре был нарисован ты, а в тебе сидело несколько копий.

– Гм... Да, может быть, я должна объяснить, что эту картинку он получил от меня, – сказала Тефи. Ей было очень

неловко.

– Ты? – закричало племя Тегумая. – Ты, маленькая, дурно воспитанная особа, которую следует отшлепать? Ты?

– Тефи, дорогая моя, кажется, мы попали в некоторое затруднение, – сказал ей Тегумай и обнял ее, а потому она сразу перестала бояться.

– Объясни, объясни, объясни! – закричал главный вождь племени Тегумая и запрыгал на одной ноге.

– Я хотела, чтобы чужой человек сходил в нашу пещеру за папиной черной острой, а потому нарисовала картинку, – сказала Тефи. – Я не говорю о множестве копий. Я думала только об одной острой и нарисовала ее три раза, чтобы он не ошибся. Я не виновата, что вышло, будто копье засело в голове папы; просто на бересте было слишком мало места; а эти штучки, которые мама называет злыми людьми, – бобры. Я нарисовала их, чтобы показать ему дорогу через бобровое болото, нацарапала я также маму около входа в пещеру; я хотела показать на рисунке, что мама весела и довольна; ведь к ней пошел милый чужой человек. А теперь я считаю, что все мы самые глупые люди в мире! Он очень милый и красивый человек. Ну, скажите, зачем это вы намазали его волосы илом и глиной? Вымойте его.

Долгое время никто не говорил, наконец, главный вождь засмеялся, засмеялся и чужой человек, теvara, Тегумай же расхохотался так, что повалился на траву; засмеялось и все племя, и смех делался все громче и сильнее. Не смеялись

только Тешумай Тевиндрой и все остальные первобытные дамы. Они очень вежливо обошлись со своими мужьями, каждая по нескольку раз сказала своему супругу:

– Идиот.

Наконец, главный вождь племени закричал:

– О, маленькая особа с дурными манерами, которую следует отшлепать, ты напала на великое изобретение!

– Я этого не хотела, мне нужна была только острога с черной рукояткой, – ответила Тефи.

– Все равно. Это великое изобретение, и когда-нибудь люди назовут его уменьем писать. Теперь же это только картинки; картинки не всегда правильно понимаются. Но наступит время, о, ребенок Тегумая, когда мы будем делать буквы, – сделаем ровно двадцать шесть букв; когда мы будем читать так же хорошо, как писать и, таким образом, говорить именно то, что желаем сказать, никого не вводя в заблуждение. Первобытные дамы, вымойте волосы чужого человека.

– Мне это очень приятно, – сказала Тефи, – но хотя вы принесли решительно все копыя племени Тегумая, вы забыли захватить с собой острогу с черной рукояткой.

Тут главный вождь покричал, попел немного и сказал:

– Дорогая Тефи, когда в следующий раз тебе вздумается начертить письмо-картинку, ты лучше поручи отнести свой рисунок кому-нибудь, кто умеет говорить на нашем языке. Мне это все безразлично, так как я главный вождь, но как ты сама можешь видеть, вышло нехорошо для остального пле-

мени Тегумая, да и чужестранец был сильно удивлен.

После этого племя Тегумая приняло чужого человека (настоящего тевара из области Тевара) в свое племя за то, что он был истый джентльмен и не скандалил по поводу глины, которой женщины намазали его волосы. Но с того дня до нынешнего времени (и я считаю, что это вина Тефи) очень немногие маленькие девочки любили или любят учиться читать и писать. Чаще всего им больше нравится рисовать картинки или играть со своими папами, совсем, совсем, как Тефи.

Как была составлена первая азбука

1

Теперь, моя любимая, ты узнаешь, что через неделю после того, как Тефимай Металлумай (мы по-прежнему будем называть ее Тефи) сделала большую ошибку относительно остроги, чужого человека, письма-картинки и всего остального, она опять пошла с Тегумаем ловить карпов. Тешумай Тевиндрой хотела, чтобы Тефи осталась дома и помогла ей развесить на жердях звериные кожи, но Тефи рано убежала к своему отцу, и они принялись ловить рыбу. Вот Тефи засмеялась, и Тегумай сказал ей:

– Не шали, дитя мое.

– Но я вспомнила, – ответила Тефи, – как забавно главный вождь надул щеки; каким смешным казался мой милый чужой человек с волосами, намазанными глиной! Помнишь?

– Как не помнить, – сказал Тегумай. – Мне пришлось заплатить твоему теваре две оленьи шкуры, мягкие, с бахромой, и все это за то, что мы его обидели.

– Да мы-то с ним ничего не сделали, – сказала Тефи. – Его

¹ В том месте этой сказки, где идет речь о картинном изображении звуков, было невозможно держаться буквального перевода; историю некоторых букв пришлось передать иначе.

обидела мама, другие дамы... и глина.

– Не будем говорить об этом, – сказал Тегумай, – лучше давай позавтракаем.

Тефи принялась высасывать костный мозг из бычьей кости и целых десять минут сидела тихо, как мышка; в это время ее отец что-то царапал зубом акулы на куске бересты. Наконец, дочка Тегумая сказала!

– Знаешь, папа, я придумала один удивительный сюрприз. Закричи или скажи что-нибудь.

– А! – громко протянул Тегумай. – Это годится для начала?

– Да, – ответила Тефи. – Когда ты прокричал «а», ты был похож на карпа с открытым ртом. Пожалуйста, еще раз скажи «а».

– А, а, а! – крикнул Тегумай. – Только зачем ты мне нагрубила, дочка?

– Уверяю тебя, я не хотела быть грубой, – сказала Тефи. – Видишь, это нужно для моего удивительного сюрприза. Пожалуйста, папа, крикни опять «а», не закрывай рта и дай мне зуб акулы. Я хочу нарисовать открытый рот карпа.

– Зачем? – спросил Тегумай.

– погоди, – ответила Тефи, царапая зубом акулы по коре. – Это будет наш маленький сюрприз. Когда я нарисую карпа с широко открытым ртом на задней стенке нашей пещеры (конечно, если мама позволит), мой рисунок будет напоминать тебе, как ты закричал «а». И мы будем играть, буд-

то я выскочила из темноты и удивила тебя, прокричав «а». Помнишь, я это сделала прошлой зимой в бобровом болоте?

– Да, – ответил Тегумай таким голосом, моя любимая, каким говорят взрослые, когда они действительно чем-нибудь заинтересуются. – Скажи, что дальше, Тефи?

– Вот досада, – пробормотала она, – я не могу нарисовать целого карпа; впрочем, ничего; у меня выходит что-то вроде открытого рыбьего рта. Знаешь, карпы стоят головой вниз, когда роются в иле на дне. Ну вот, здесь как будто карп, и мы можем играть, как будто остальное его тело тоже нарисовано. У меня вышел его рот, и мой рисунок означает «а». – И Тефи нарисовала вот это (1):

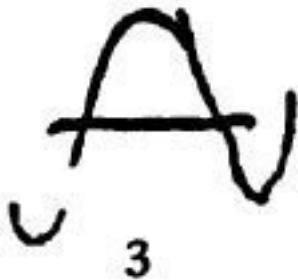
– Недурно, – сказал Тегумай и на другом куске бересты нацарапал тот же рисунок для себя, – только ты забыла усик, – прибавил он, – усик, который висит поперек его рта.

– Да я не могу нарисовать всей рыбы и ее усика, папа.

– Тебе незачем рисовать что-нибудь, кроме открытого рта карпа и усика. Если ты нарисуешь ус, мы будем знать, что это именно карп, потому что у окуней и форелей усиков нет. Посмотри-ка сюда, Тефи. Хорошо вышло? – Вот что показал ей Тегумай (2):

– Я нацарапаю такой же рисунок, – сказала Тефи. – Ты поймешь его, когда я покажу мой значок. – Говоря это, она нарисовала вот такую фигурку (3):

– Конечно, пойму, – сказал Тегумай. – И я также удивлюсь, увидав где-нибудь твой рисунок, как удивился бы, если бы ты неожиданно выскочила из-за дерева и крикнула: «а».

– Теперь крикни что-нибудь еще, – попросила Тефи; она очень гордилась своей новой игрой.

– Уа, – очень громко произнес Тегумай.

– Гм, – протянула Тефи, – это двойной крик. Его вторая часть – «а», то есть рот карпа; но что нам делать с первой частью?

– Первый звук очень похож на тот, который мы обозначили ртом карпа. Давай нацарапаем второй рыбий рот и соединим их, – предложил Тегумай. Его тоже заняла новая забава.

– Нет, нет, так нельзя; я забуду. Нужно нарисовать два различных куска карпа. Вот что, нарисуй его хвост. Когда карп стоит головой вниз, его хвост вверху, и, значит, его видишь раньше, чем голову. Кроме того, мне кажется, я сумею нарисовать рыбы хвосты, – сказала Тефи.

– Отлично, – согласился Тегумай. – Давай обозначим звук «у» хвостом карпа – И вот что он нарисовал (4):

– Теперь и я постараюсь нацарапать хвост карпа, – заметила Тефи. – Только, знаешь, папа, я не могу рисовать, как ты. Как ты думаешь – ничего, если я нарисую только расщепленную часть рыбьего хвоста; а потом тот плавник, с которым хвост соединяется? Смотри, вот как у меня вышло. – И она показала отцу вот это (5):

5

Тегумай кивнул головой; его глаза так и блестели.

– Это прелесть как хорошо! – весело произнесла Тефи. –

Ну, папа, крикни-ка еще один отдельный звук.

– О! – закричал Тегумай.

– Теперь дело просто, – сказала Тефи. – У тебя сделался совсем круглый рот, точно яйца или камешек. Значит, для этого крика годится яйцо или камень.

– Ну, не везде найдешь яйца или камни. Нам просто нужно нацарапать кружок. Что-нибудь вот такое. – И вот что он нарисовал (6):

6

– Ах, батюшки, – сказала Тефи, – сколько картинок нацарапали мы: рот карпа, хвост карпа и яйца! Ну, еще папа!

– С-с-с! – прошипел Тегумай и немного нахмурился, но Тефи было так весело, что она этого не заметила.

– Ну, это просто, – сказала она, рисуя на бересте.

– А? Что? – спросил Тегумай. – Я хотел показать тебе, что я думаю и не хочу, чтобы ты мне мешала.

– А все-таки это звук. Так шипит змея, когда она думает и не желает, чтобы ее тревожили. Давай обозначим звук «с» – змеей. Как ты думаешь, это годится? – И вот что она нарисовала (7):

7

– Видишь? – сказала Тефи. – Это наш новый чудесный секрет. Когда ты нарисуешь шипящую змею подле входа в твою маленькую пещеру, где ты чинишь остроги, я пойму, что ты о чем-то серьезно думаешь, и войду к тебе неслышно, как тихая мышка. Когда ты во время рыбной ловли нарисуешь змею на дереве около реки, я пойму, что ты хочешь, чтобы я подходила тихо, как самая спокойная мышка.

– Верно, верно, – сказал Тегумай. – И в этой игре больше смысла, чем ты думаешь. Тефи, моя дорогая, сдается мне, что дочка твоего папы придумала самую отличную вещь, когда-либо придуманную с того самого дня, в который племя Тегумая впервые насадило на копье зуб акулы вместо кремня. Мне кажется, мы открыли важную тайну.

– Что такое? Не понимаю, – сказала Тефи, и ее глаза тоже загорелись.

– Сейчас увидишь, ну, как на языке племени Тегумая называется вода?

– Конечно, уа, и это также значит река; например, вагай-уа

– река Вагаи.

– Скажи-ка теперь, как называется вода, от которой у тебя делается лихорадка, если ты выпьешь хоть один ее глоток? Скажи, как называется черная вода, болотная вода?

– Уо, конечно.

– Теперь смотри, – сказал Тегумай. – Предположим, ты подошла к луже в большом бобровом болоте и увидела, что на дереве нацарапана вот такая штучка. – И вот что он нарисовал (8):

– Хвост карпа и круглое яйцо. Смесь из двух звуков. Уо – дурная вода, – прочитала Тефи. – Конечно, я не стала бы пить из лужи, потому что поняла бы, что ты называешь эту воду дурной.

– И мне совсем незачем было бы стоять подле лужи. Я мог бы охотиться очень далеко от этого места, и все-таки...

– А все-таки вышло бы, точно ты стоишь подле лужи и

говоришь: «Уйди Тефи, не то у тебя сделается лихорадка». И все это сказал бы хвост рыбы и круглое яйцо! О папа, мы должны пойти и сейчас же рассказать все маме! – И Тефи запрыгала вокруг своего отца.

– Нет, погоди, – сказал Тегумай, – сначала нужно придумать еще кое-что. Давай подумаем. Уо – дурная вода; со – пища, приготовленная на огне. Ведь правда? – И он нарисовал вот это (9):

– Да, змея и яйцо, – сказала Тефи. – Значит, «со» обозначает, что обед готов. Если ты увидишь эти нацарапанные на дереве знаки, ты поймешь, что тебе пора идти к пещере. Пойму это и я.

– Умница, – сказал Тегумай, – верно. Только погоди минуту. Я вижу одно затруднение. «Со» – значит: иди и пообедай, а вот слово «сшо» обозначает жерди для просушки звериных шкур.

– Ах, эти ужасные старые колья! – сказала Тефи. – Я так

не люблю помогать развешивать на них горячие, волосатые, тяжелые кожи. Если я увижу, что ты нарисовал змею и яйцо, я подумаю, что это обозначает обед, приду из леса и узнаю, что мне нужно помогать маме развешивать кожи. Что я сделаю тогда?

– Ты рассердишься. Твоя мама тоже. Значит, нам следует придумать новую картинку для «сшо». Давай нарисуем пятнистую змею; она шипит «сш-сш», а простая змея шипит только «с-с-с-с».

– Ну, я не знаю, как нарисовать пятна, – сказала Тефи. – Кроме того, торопясь, ты, пожалуй, забудешь о них. Тогда я подумаю, что нацарапано «со», а не «сшо»; мамочка все-таки поймает меня и заставит развешивать шкуры. Нет, лучше нарисуем эти ужасные высокие колья и жердь для просушки кож; тогда мы будем знать наверняка. Я нарисую их около шипящей змеи. Вот. – И она нарисовала это (10):

The image shows three hand-drawn, thick black symbols arranged horizontally. The first symbol is a circle with a vertical line extending from its top, resembling a 'C' with a tail. The second symbol is a vertical line with a small hook at the top, resembling a 'Ш'. The third symbol is a simple circle, resembling an 'O'. Together they form the word 'сшо'.

10

– Пожалуй, так удобнее. Твой рисунок очень похож на на-

ши жерди, – со смехом заметил Тегумай. – Слушай, теперь я сделаю еще один звук, в котором будет и змея и жерди. Я говорю «сши». Ты знаешь, племя Тегумая называет так копье или острогу, Тефи. – И он засмеялся.

– Не смейся надо мной, – сказала Тефи; она вспомнила о своем письме-картинке и о грязи в волосах чужого человека. – Нацарапай две или три остроги, отец.

– На этот раз у нас не будет ни бобров, ни холмов. Хорошо, – сказал Тегумай. – Чтобы обозначить остроги, я просто проведу прямые линии. – И он нацарапал вот это (11):

– Даже твоя мама не подумала бы, будто этот рисунок обозначает, что кого-то убили.

– Перестань, папа. Мне так неприятно. Лучше скажи еще что-нибудь. Мы придумываем такие хорошие вещи.

– Гм, – откашлялся Тегумай и задумчиво посмотрел

вверх. – Ну, хорошо, «сшю» – это значит небо.

Тефи быстро нарисовала змею и жердины. Потом задумалась и сказала:

– Мы должны придумать новую картинку для последнего звука.

– Сшю, сшю, ю-ю! – протянул Тегумай. – Знаешь, этот звук похож на звук, обозначенный круглым яйцом, только потоньше, понежнее.

– Тогда нарисуем очень тонкое яйцо и представим себе, что это не яйцо, а лягушка, которая несколько лет голодала.

– Н-нет, – сказал Тегумай. – Торопясь, мы можем плохо нарисовать тоненькое яйцо и потом принять его за яйцо обыкновенное, круглое. Не годится... «Сшю, сшю, сшю»... Вот что сделаем: мы нацарапаем яйцо и покажем, что его скорлупа тонкая, что ее легко разбить прутом или палочкой. Поэтому рядом с яйцом нацарапаем стоячую палку, и, чтобы показать, что эти две вещи, то есть яйцо и палка, обозначают один звук, соединим их тоненькой веточкой. Нарисуем что-нибудь вроде этого. – И вот что нарисовал Тегумай (12):

12

– О, как хорошо! Это лучше худой лягушки! Ну, дальше! – сказала Тефи, размахивая зубом акулы.

Тегумай продолжал царапать бересту, и его рука дрожала от волнения. Он рисовал долго; наконец, вот что у него вышло (13):

13

– Смотри внимательно, Тефи, – сказал Тегумай, – и постарайся понять, что это значит на наречии племени Тегумая. Если ты все поймешь, мы открыли великую тайну.

– Змеи; жерди; яйцо и палки; хвост карпа и рот карпа, – прочитала Тефи. – Сшю-уа. Небесная вода (дождь). – В эту минуту на ее руку упала капля; небо давно хмурилось. – Дождь идет, папа. Ты это хотел сказать мне?

– Конечно, – ответил Тегумай, – и я сказал тебе про дождь, не произнеся ни одного слова.

– Мне кажется, я все поняла бы через минуту, но дождевая капля окончательно объяснила мне, что ты написал. Я никогда теперь не забуду. «Сшю-уа» – значит «дождь», или «скоро пойдет дождь». Знаешь что, папа? – она вскочила и стала прыгать вокруг отца. – Может быть, ты когда-нибудь уйдешь раньше, чем я проснусь, и перед уходом нацарапаешь «сшю-уа» на закопченной стене; тогда я пойму, что собирается дождь, и захвачу с собой мой капюшон из бобровой шкуры. Вот мама удивится.

Тегумай тоже вскочил и запрыгал. (В те времена, моя любимая, папа и мама прыгали, не смущаясь.)

– Я захочу тебе сказать, что пойдет дождь, но несильный, и что ты все-таки должна прийти к реке; скажи, что же тогда придется мне нарисовать? Скажи это на наречии Тегумая.

– Сшю-уа-лас-уа-мару. (Небесная вода окончится; к реке приди.) Сколько новых звуков. Право, уж не знаю, как мы обозначим их.

– А я знаю, знаю, – перебил ее Тегумай. – Погоди минуту, Тефи; мы сделаем еще кое-что и закончим на сегодня. У нас есть уже «сшю-уа», правда? Ну вот «лас» – вещь трудная. Ла-

ла-ла! – прокричал Тегумай, помахивая зубом акулы. – Лас!

– В самом конце шипящая змея; перед змеей рот карпа.
«Ас, ас, ас». Нам нужно только «л», – сказала Тефи.

– Правда, но мы должны придумать «л». И знаешь, мы первые люди в мире, которые начали делать это, Тегумай.

– Я очень рада, – сказала Тефи, но зевнула; она сильно устала.

– «Лас» – значит ломать, прекращать, оканчивать, Правда? – спросила она.

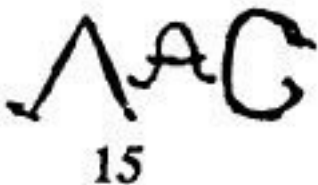
– Правда, – согласился Тегумай. – «Уа-лас» – значит: в котле нет больше воды, в котором твоя мама варит пищу, когда я ухожу на охоту.

– А «сши-лас» значит, что твоя острога сломана. Ах, если бы я вспомнила это вместо того, чтобы царапать глупых бобров для того чужого человека.

– «Ла, ла, ла», – повторил Тегумай, помахивая своей палкой и хмуря брови. – Вот досада-то! – Я могу без труда нарисовать «сши», – продолжала Тефи. – Потом можно нарисовать твою сломанную острогу. Смотри. – И вот, что нацарапала Тефи (14):

– Именно то, что нужно, – сказал Тегумай. – Это «л» совсем не такое, как другие знаки; значит, нацарапаем «лас». Смотри, Тефи. – И он нарисовал вот это (15):

– Теперь «уа». Ах, да мы это уже делали. Ну, – мару. «Мум-мум-мум». Для этого нужно закрыть рот. Хорошо, нарисуем закрытый рот. Что-нибудь вот в таком роде. – И вот что нарисовал Тегумай (16):

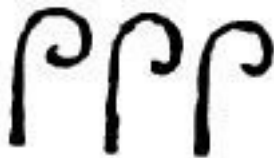

16

– Теперь открытый рот карпа. Значит, выходит «ма». Но что мы придумаем для «р-р-р-р», Тефи?

– Это шум сердитый; так шумит валун, когда он вырвется из-под твоей ноги и завертится на каменистом берегу.

– Ты говоришь – завертится? Повернется, обежит кружок и остановится? Вот так бежит камешек, который как будто кричит «р-р-р»? Смотри. – И вот, что нарисовал Тегумай (17):

17

– Да, да, – ответила Тефи. – Только зачем столько значков? Довольно двух.

– Одного достаточно, – сказал Тегумай. – Если наша игра со временем сделается той важной вещью, которой, мне кажется, она должна быть, чем проще будут наши картинки звуков, тем лучше. – И вот что он нарисовал (18):

18

– Готово, – сказал Тегумай, подпрыгнув на одной ноге. – Я нарисую все картинки рядком, как мы вешаем рыб на жилу оленя.

– А не лучше ли между отдельными словами поставить по маленькой палочке, чтобы они не терлись друг о друга; знаешь, как мы это делаем, когда сушим карпов?

– Нет, между словами я оставлю пустые пространства, – сказал Тегумай. – И он с большим усердием нацарапал все знаки на куске свежей березовой коры.

Вот что вышло у него (19):

СШЮУАЛАСУАМАРУ

19

– Сшю-уа-лас уа-мару, – прочитала Тефи.

– Ну, на сегодня довольно, – сказал Тегумай. – Ты устала, Тефи. Ничего, дорогая; завтра мы окончим дело, и о нас будут вспоминать через много-много лет после того, как люди срубят самые большие деревья в наших лесах и расколуют их на дрова.

Они ушли домой. Весь вечер Тегумай сидел с одной стороны костра, а Тефи с другой; оба рисовали знаки на закопченной стене, посматривали друг на друга и посмеивались. Наконец, Тешумай сказала:

– Право, Тегумай, ты еще хуже, чем моя Тефи.

– Пожалуйста, не сердись, мама, – попросила ее Тефи. – Это только наш удивительный сюрприз, и мы расскажем тебе о нем, когда он будет готов; теперь же, пожалуйста, не расспрашивай меня, потому что тогда я непременно проговорюсь.

Тешумай перестала расспрашивать свою дочку. На следующее утро Тегумай очень-очень рано ушел к реке, чтобы подумать о новых картинках для звуков, и, когда Тефи просну-

лась и встала, она увидела, что на большом выдолбленном в камне бассейне для воды около входа в пещеру было мелом начерчено «уа-лас» (вода кончается или вытекает).

– Гм! – проворчала Тефи. – Эти картинки звуков – скверная шутка. Теперь получилось, как будто папа заглянул ко мне сам и велел натаскать воды, чтобы мамочка сварила нам пищу. – Тефи пошла к ключу, который бил позади пещеры, и ведром, сделанным из древесной коры, наносила воды в выдолбленный камень; сделав это, она побежала к реке, увидела своего папу и дернула его за левое ухо. Когда Тефи вела себя очень хорошо, ей позволялось дергать Тегумая именно за это ухо.

– Давай придумаем и нарисуем картинку для остальных звуков, – предложил своей дочке Тегумай. Они превосходно провели утро; в полдень закусили и вместо отдыха побегали и повозились. Когда дело дошло до звука «т», Тефи объявила, что, так как ее собственное имя, имена ее папочки и мамы начинались этим звуком, оставалось только нарисовать семейную группу: папу, маму и Тефи, держащихся за руки. Раза два можно было нацарапать такую сложную картинку, но когда пришлось то и дело рисовать три фигурки, Тефи и Тегумай стали изображать их все проще и проще, так что наконец звук «т» превратился в тонкого, длинного Тегумая с протянутыми руками, готовыми обнять Тефи и Тешумай. Посмотри на эти три картинку, моя милая, и ты отчасти поймешь, как это случилось. Вот они (20, 21, 22):

20

21

22

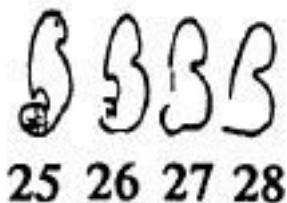
23

24

Из остальных картинок многие были до того красивы и сложны, что на рисование их уходило много времени; но их много раз повторяли на березовой коре, и они становились все проще; наконец, даже Тегумай сказал, что не находит в них никакого недостатка. Например, для звука «з» отец и дочь иначе изогнули змею и повернули ее в другую сторону; все это они сделали, желая показать, что змея шипит более пронзительно (23). Звук «е» они изобразили дождевым червем (24), потому что на их наречии он встречался так же часто, как дождевые черви в земле. Для красивого звука «б» выбрали священного бобра племени Тегумая (25, 26, 27, 28).

И ты, моя крошечка, увидишь, как изменился этот знак и постепенно из картинки превратился в настоящую букву Б. Для некрасивого звука «н» они хотели нарисовать нос, нарисовали много носов (29), но это им плохо удавалось; кроме того, рисовать носы показалось Тефи слишком трудным делом; наконец, ее усталая ручка нечаянно нацарапала перевернутый нос, на этот раз рисунок опять не удался ей, и вместо носа на бересте появился странный знак; в конце концов рассерженные Тегумай и Тефи стали обозначать им звук «н» (30).

30 Н

31 К

Для жесткого звука «к» они нарисовали злобный рот щуки, а позади него копье или палку (31). И так далее, и так да-

лее. Наконец, Тефи с Тегумаем составили картинки для всех звуков, которые им были нужны; получилась полная азбука.

Прошло много-много тысяч лет; появлялись иероглифы, письмена нильские, криптические, рунические, ионические, словом, всевозможные «ические» (ведь все эти негусы, жрецы и мудрецы не могут довольствоваться чем-нибудь простым и хорошим); и все-таки в конце концов появилась старая простая азбука, понятная азбука, которую составили Тегумай с Тефи; по ней и учатся все милые, любимые маленькие девочки, когда для них наступает время учиться.

Я же ни за что не забуду Тегумая Бопсулая, Тефимай Металлумай, Тешумай Тевиндрой тех дней, когда они жили, и всего, что в давние времена случилось на берегах огромной реки Вагаи.

Морской краб, который играл с морем

В самые стародавние времена, моя крошечка, во времена, которые были раньше старых времен, словом, в самом начале мира, жил старый, самый старый волшебник и переделывал по-своему все, что тогда было. Сперва он сделал землю, потом море, потом велел животным собраться и начать играть. Животные пришли и сказали: «О, старейший и великий волшебник, как нам играть?» И он ответил им: «Я скажу как». Он призвал слона, всем слонам слона, и сказал: «Играй в слона». И слон, всем слонам слон, стал играть, как ему было указано. Призвав бобра, всем бобрам бобра, волшебник сказал: «Играй в бобра». И бобр, всем бобрам бобр, стал играть, как ему указал волшебник. Корове, всем коровам корове, волшебник приказал: «Играй в корову». И корова, всем коровам корова, стала играть в корову. Обращаясь к черепахе, всем черепахам черепахе, он сказал: «Играй в черепаху». И она послушалась его. Так, одного за другим, призывал он всех четвероногих животных, всех птиц и рыб и говорил им, как они должны играть.

К вечеру, когда все существа утомились, пришел человек... Ты спрашиваешь, малютка, со своей ли маленькой дочкой? Да, конечно, со своей собственной любимой деточ-

кой, которая сидела у него на плече. И человек сказал: «Что это за игра, старейший из всех волшебников?» И старший волшебник ответил: «Сын Адама, это игра, в которую нужно играть в самом начале времен; но ты слишком умен для нее». Человек поклонился волшебнику и сказал: «Да, правда; я слишком умен для этой игры; но смотри позаботься, чтобы все животные слушались меня».

Человек и волшебник разговаривали, а Пау Амма, морской краб, услышал все, побежал боком, боком, как бегают крабы, и юркнул в море, говоря себе:

– Я буду играть один в глубине вод и ни за что, никогда не стану слушаться этого сына Адама.

Никто не видел, как убежал краб; его заметила только маленькая девочка, сидевшая на плече своего отца. Игра продолжалась до тех пор, пока каждое из живых существ не получило указания, как ему играть. Наконец, волшебник стер мелкую пыль со своих рук и пошел по всему свету смотреть, так ли играют животные.

Он отправился на север, моя милая, и увидел, что слон, всем слонам слон, роет глину бивнями и утаптывает своими большими ногами красивую новую чистую землю, которую приготовили для него.

– Кун? – спросил слон, всем слонам слон, а это значило: «Хорошо ли я делаю».

– Пайа Кун – вполне хорошо, – ответил старый волшебник идохнул на большие скалы и огромные куски земли, ко-

которые слон, всем слонам слон, подбросил вверх; и они тотчас сделались высокими Гималайскими горами; ты, моя любимая, можешь увидеть их на географической карте.

Волшебник пошел на восток и увидел корову, всем коровам корову, которая паслась на приготовленном для нее лугу; вот она своим огромным языком слизнула с земли сразу целый большой лес, проглотила его и легла, начав пережевывать жвачку.

– Кун? – спросила всем коровам корова.

– Да, – ответил старый волшебник и дохнул на обнаженное пространство земли, с которого она съела всю траву, дохнул и на то место, куда она легла. Первое место сделалось великой пустыней Индии, а второе – африканской Сахарой; ты можешь найти их на карте.

Волшебник пошел на запад и увидел всем бобрам бобра, который делал плотины поперек устьев широких рек, только что приготовленных для него.

– Кун? – спросил всем бобрам бобр.

– Пайа кун, – ответил старейший волшебник и дохнул на поваленные деревья и на стоячую воду, и они тотчас превратились в луга и болота Флориды, и ты можешь отыскать их на карте.

Потом он пошел на юг и увидел всем черепахам черепаху, она сидела и царапала своими лапами песок, только что приготовленный для нее; песок и камни вылетали из-под ее лап, крутились в воздухе и падали далеко в море.

– Кун? – спросила черепаха, всем черепахам черепаха.

– Пайа кун! – сказал волшебник и дохнул на упавшие в море комья песка и камни, и они тотчас сделались самыми прекрасными в мире островами, которые называются Борнео, Целебес, Суматра, Ява; камни поменьше стали остальными островами Малайского архипелага, и ты можешь отыскать их на карте.

Ходил, ходил старый волшебник, наконец, на берегу реки Перак увидел человека и сказал ему:

– Эй, сын Адама, все ли животные слушаются тебя?

– Да, – ответил человек.

– Вся ли земля послушна тебе?

– Да, – ответил человек.

– Все ли море тебе послушно?

– Нет, – сказал человек. – Раз днем и раз ночью море бежит к земле, вливается в реку Перак, гонит пресную воду в лес, и тогда она заливает мой дом; раз днем и раз ночью море увлекает за собою всю воду реки, и в ее русле остаются только ил и грязь, и мой челн не может плыть. Разве в такую игру велел ты играть морю?

– Нет, – сказал самый старый волшебник, – это новая и нехорошая игра.

– Вот, смотри, – сказал человек, и, пока он еще говорил, море влилось в устье реки Перак, отесняя ее воды все назад и назад, так что речные волны залили дремучий лес, и дом человека очутился среди разлива.

– Это не порядок. Спусти свой челн, и мы увидим, кто играет с морем, – сказал самый старый волшебник.

Сын Адама и волшебник сели в челн; туда же прыгнула и маленькая девочка. Человек взял свой крис, изогнутый кинжал с лезвием, похожим на пламя, и они выплыли из реки Перак. После этого море стало все отодвигаться и отодвигаться и высосало челн из устья Перака; оно влекло его мимо Селангора, мимо полуострова Малакки, мимо Сингапура, все дальше и дальше к острову Бинтангу, и челн двигался, точно его вели на веревке.

Наконец, старый волшебник выпрямился во весь рост и закричал:

– Эй вы, звери, птицы и рыбы, которых я в начале времен учил играть, кто из вас играет с морем?

И все звери, птицы и рыбы в один голос ответили:

– Старейший из всех волшебников, мы играем в те игры, которым ты научил нас; в них будем играть мы и после нас дети наших детей. Никто из нас не играет с морем.

В это время над водой поднялась большая полная луна. И старый волшебник сказал горбатому старику, который сидит в середине луны и плетет рыболовную сеть, надеясь со временем поймать весь мир.

– Эй, лунный рыбак, ты играешь с морем?

– Нет, – ответил рыбак. – Я плету сеть и с ее помощью поймаю мир; но с морем я не играю. – И он продолжал свое дело.

Надо тебе сказать, что на луне сидит еще и крыса, которая так же быстро перегрызает шнурок, как рыбак плетет его, и старый волшебник сказал ей:

– Эй ты, лунная крыса, ты играешь с морем?

Крыса ответила:

– Я слишком занята, чтобы играть с морем; мне постоянно приходится перегрызать сеть, которую плетет этот старый рыбак. – И она продолжала грызть нитки.

Вот маленькая девочка, сидевшая на плече сына Адама, протянула свои мягкие маленькие темные ручки, украшенные браслетами из раковин, и сказала:

– О, старейший волшебник, когда мой отец разговаривал с тобой в самом начале, а я через его плечо смотрела на игры животных, одно непослушное создание убежало в море раньше, чем ты заметил его.

Старый волшебник проговорил:

– Как умны маленькие дети, которые видят и ничего не говорят. Что же это за зверь был?

Маленькая девочка ответила:

– Он круглый и плоский; его глазки сидят на палочках; бежал он боком, вот так, вот так, – она показала как, – на спине у него толстая прочная броня.

Тогда волшебник сказал:

– Как умны дети, которые говорят правду! Теперь я знаю, куда ушел Пау Амма, лукавый краб. Дайте-ка мне весло.

Он взял весло, но грести ему не пришлось, потому что во-

да все бежала мимо островов и несла челнок, пока не принесла его к месту, которое называется Песат Тасек – сердце моря. Песат Тасек – большая подводная пещера, и ведет она в самую сердцевину мира; в ней растет чудесное дерево, Паух Джангги, на котором растут волшебные орехи-двойчатки. Старейший волшебник опустил руку до самого плеча в глубокую, теплую воду и под корнями чудесного дерева нащупал широкую спину Пау Аммы, лукавого краба. Почувствовав прикосновение, Пау Амма завозился, и поверхность моря поднялась, как поднимается вода в чашке, в которую ты опустишь руку.

– Ага, – сказал старый волшебник. – Теперь я знаю, кто играл с морем. – И он громко закричал: – Что ты тут делаешь, Амма?

Сидевший в глубине Амма ответил:

– Раз днем и раз ночью я выхожу для пропитания. Раз днем и раз ночью я возвращаюсь к себе. Оставь меня в покое.

Тогда старый волшебник сказал:

– Слушай, Пау Амма, когда ты выходишь из пещеры, воды моря вливаются в Песат Тасек и берега всех островов обнажаются; маленькие рыбы умирают, а у раджи Моянга Кебана, короля слонов, ноги покрываются илом. Когда ты возвращаешься обратно и прячешься в свою пещеру, воды моря поднимаются, половина маленьких островов исчезает в волнах, море окружает дом сына Адама и пасть раджи Абдулаха, короля крокодилов, наполняется соленой водой.

Услышав это, сидевший в глубине Пау Амма засмеялся и сказал:

– Я не знал, что я такая важная особа. С этих пор я буду выходить из пещеры по семь раз в день, и море никогда не будет спокойно.

Тогда старый волшебник сказал:

– Я не могу заставить тебя, Амма, играть в ту игру, которая тебе назначена, потому что ты убежал от меня в самом начале; но, если ты не боишься, всплыви, и мы потолкуем.

– Я не боюсь, – ответил лукавый Амма и поднялся на поверхность моря, освещенного луной.

В то время в мире не нашлось бы ни одного существа ростом с Пау Амма, потому что он был король всех крабов; не обыкновенный краб, а краб-король. Один край его большого щита дотрагивался до берега Саравака, другой – до берега подле Пеханга, и он был крупнее дыма трех вулканов. Поднимаясь между ветвями чудесного дерева, Амма сбил один из больших орехов – волшебный орех-двойчатку, который дает людям молодость, маленькая дочка человека увидела, как орех выглядывал из воды, проплывая мимо челнока, втащила его в челн и своими маленькими золотыми ножницами принялась вынимать из скорлупы мягкие ядрышки.

– Теперь, – сказал волшебник, – поколдуй, Пау Амма, и покажи нам, что ты действительно важное существо.

Пау Амма завращал глазами, задвигал ногами, но смог только взволновать море... Ведь краб-король был только

краб, и больше ничего. Старейший волшебник засмеялся.

– В конце концов, ты уж не такая важная персона, – сказал он. – Теперь дай-ка я поколдую.

И старый волшебник сделал магическое движение своей левой рукой; нет, только мизинцем левой руки. И что же вышло, моя душечка? Твердая синевато-зелено-черная броня упала с краба, как волокна падают с кокосового ореха, и Амма остался весь мягкий-мягкий, как маленькие крабы, которых ты, моя любимая, иногда находишь на песчаных отмелях.

– Действительно, велика твоя сила, нечего сказать! – заметил старейший волшебник. – Что мне сделать? Не попросить ли вот этого человека разрезать тебя крисом? Не послать ли за королем слонов, чтобы он проткнул тебя своими бивнями? Или не позвать ли короля крокодилов, чтобы он укусил тебя?

Пау Амма отвечал:

– Мне стыдно. Отдай мне мою твердую скорлупу и позволь уйти обратно в пещеру; тогда я буду выходить из нее всего раз днем и раз ночью, и только за пищей.

Но старейший волшебник сказал:

– Нет, Амма, я не отдам тебе назад твоей брони, потому что ты будешь расти, делаться все больше, все сильнее и мало-помалу набираться новой гордости. Потом ты, может быть, позабудешь о своем обещании и снова примешься играть с морем.

Пау Амма сказал:

– Что же мне делать? Я так велик, что могу прятаться только в Песат Тасеке, и, если я пойду куда-нибудь в другое место, такой мягкий, каким ты сделал меня, акулы и другие рыбы съедят меня. Если же я отправлюсь в Песат Тасек, такой мягкий, каким ты меня сделал, я, правда, буду в безопасности, но не посмею выйти наружу за пищей и умру от голода. – И он задвигал своими лапами и заплакал.

– Послушай, Пау Амма, – сказал ему старейший волшебник. – Я не могу заставить тебя играть так, как хотел, потому что ты убежал от меня в самом начале; но, если ты хочешь, я сделаю все ямки, все кустики морской травы, все камни в море безопасными приютами для тебя и для твоих детей.

– Это хорошо, – сказал Пау Амма, – но я еще не решился. Посмотри, с тобой человек, с которым ты разговаривал в самом начале. Если бы ты не обратил на него такого внимания, мне не надоело бы ждать, я не убежал бы и ничего не случилось бы. Что сделает для меня он?

Тогда человек сказал:

– Если хочешь, я поколдую, тогда и глубокая вода, и сухая земля станут приютами для тебя и для твоих детей; вы будете прятаться и на суше и в море. Хочешь?

Амма ответил:

– Я еще не решил. Смотри, вот девочка, которая в самом начале видела, как я убежал. Если бы она тогда заговорила, волшебник позвал бы меня обратно, и ничего не случилось

бы. Что делает для меня она?

Маленькая девочка сказала:

– Я ем славный орех. Если хочешь, Амма, я поколдую и отдам тебе ножницы, эти острые и прочные ножницы, чтобы ты и твои дети могли есть кокосовые орехи, когда вы из моря выйдете на землю; ножницами вы будете также устриц для себя Песат Тасеки, если вблизи вас не окажется ни камня, ни ямки; когда же земля будет слишком жестка, вы с помощью этих же ножниц будете подниматься на деревья.

Но Пау Амма сказал:

– Я еще не решил. Ведь мне, такому мягкому, ваши дары не помогут. Старейший волшебник, верни мне мою броню; тогда я буду играть, как ты мне укажешь.

Старейший волшебник сказал:

– Я отдам тебе твою броню, Амма; носи ее одиннадцать месяцев в году, но на двенадцатый месяц каждого года она будет делаться снова мягкой, чтобы напоминать тебе и всем твоим детям, что я могу колдовать, а также, чтобы ты не забывался; ведь я вижу, что раз ты будешь бегать и под водой и по земле, ты сделаешься слишком смел; если же кроме этого научишься взбираться на деревья, разбивать орехи и вырывать норки ножницами, ты станешь слишком жадным, Амма.

Краб Амма подумал немножко и ответил:

– Я решился, я беру все ваши дары.

Тогда старейший волшебник поколдовал правой рукой, всеми пятью пальцами правой руки, и смотри, что случи-

лось, моя милая! Пау Амма стал делаться все меньше, меньше и меньше, наконец, остался только маленький зеленый краб. Он плыл по воде, рядом с челноком и тонким голоском кричал:

– Дай же мне ножницы!

Маленькая дочка человека поймала его ладонью своей коричневой ручки, посадила его на дно челна и дала ему ножницы; он помахал ими в своих маленьких лапах; несколько раз открыл их и закрыл, шелкнул ими и сказал:

– Я могу есть орехи. Я могу разбивать раковины. Я могу рыть норы. Я могу взбираться на деревья. Я могу дышать среди сухого воздуха, я могу находить безопасные убежища под каждым камнем. Я не знал, какое я сильное существо. Кун?

– Пайа кун, – сказал волшебник. Он засмеялся и благословил краба, маленький же Пау Амма быстро пробежал по краю челнока и соскочил в воду. Он был так мал, что на земле мог скрыться в тени сухого листа, а на морском дне в пустой раковине.

– Хорошо я сделал? – спросил волшебник.

– Да, – ответил человек. – И теперь нам нужно вернуться в устье реки Перак, но грести туда утомительно. Если бы мы дождались, чтобы Пау Амма вернулся в свой Песак Тасек, вода отнесла бы нас.

– Ты ленив, – сказал старейший волшебник. – За это и твои дети будут ленивы, они будут самым ленивым народом

на земле. – И он поднял палец к луне, сказав: – О, рыбак, смотри: этому человеку лень грести до дому. Отведи своей сетью челнок к его родному берегу, рыбак!

– Нет, – ответил сын Адама, – если мне суждено лениться всю жизнь, пусть море дважды в день работает за меня. Это избавит меня от необходимости грести и коротким веслом.

Волшебник засмеялся, сказав:

– Очень хорошо.

Крыса на луне перестала грызть сеть; рыбак отпустил свою бечевку так низко, что она дотронулась до моря; и вот лунный старик потащил глубокое море мимо острова Бинтанга, мимо Сингапура, мимо полуострова Малакки, мимо Селангора и, наконец, челнок вошел в устье реки Перак.

– Кун? – спросил рыбак с луны.

– Пайа кун, – сказал волшебник. – Смотри же, теперь всегда два раза днем и два раза ночью води за собой море, чтобы малайские рыбаки могли не работать веслами. Только смотри, не делай этого слишком резко, не то я обращаю свои чары против тебя, как я сделал это с Пау Аммой.

И они поплыли вверх по реке Перак и пошли спать, моя любимая.

Теперь слушай хорошенько!

С того самого дня до нынешнего луна всегда водит море к земле и от земли, делая то, что мы называем приливами и отливами. Иногда лунный рыбак тащит море слишком сильно, и тогда у нас бывает весеннее наводнение; порой он

слишком мало поднимает море, и тогда вода стоит низко, но почти всегда он работает старательно, помня угрозу старейшего волшебника.

А что же стало с крабом Аммой? Когда ты бываешь на морском берегу, ты можешь видеть, как его детки устраивают себе маленькие Песат Тасеки под камнями, под кустами травы на песке; можешь видеть, как они машут своими маленькими ножницами. В некоторых далеких странах они, действительно, всегда живут на суше, поднимаются на пальмовые деревья и едят кокосовые орехи, все, как обещала королю-крабу маленькая дочка человека. Раз в год Аммы сбрасывают с себя свою твердую броню и становятся мягкими; это происходит для того, чтобы они помнили о власти великого волшебника. В это время нехорошо убивать или ловить детей Аммы, ведь они становятся беззащитными только потому, что старый Пау Амма однажды, очень давно, был груб со старым волшебником.

Так-то! Дети краба Аммы терпеть не могут, чтобы люди вынимали их из норок, унося к себе домой в банках из-под разного соленья, и заливали спиртом. Потому-то они так жестоко щиплют тебя своими ножницами, и поделом.

Кот, который гулял где хотел

– Ну, моя милая деточка, теперь слушай хорошенько-хорошенько, потому что все, что я расскажу сейчас, произошло и случилось, когда наши домашние животные были еще дикими. Собака была дикой, лошадь была дикой, корова была дикой, овца была дикой, свинья была дикой; все они были совсем-совсем дикими животными и расхаживали по сырым, диким лесам, совсем одни, где им вздумается. Но самым диким из всех диких животных был кот. Он разгуливал один, где хотел, и все места были для него одинаковы.

Понятно, человек был тоже дикий. Страшно дикий. Он не стал ручным, пока не встретил женщину, и она не сказала ему, что ей не нравится вести такую дикую жизнь. Она выбрала хорошую сухую пещеру вместо сырых листьев, прежде служивших ей приютом; насыпала ее пол чистым песком и в глубине ее развела большой костер; перед входом в пещеру она повесила сухую шкуру дикой лошади хвостом вниз.

После этого женщина сказала своему мужу:

– Пожалуйста, мой дорогой, когда тыходишь к нам в дом, вытирай ноги; ведь у нас теперь свой дом и хозяйство.

В первый же вечер, моя душечка, они ели поджаренное на горячих камнях мясо дикого барана с приправой из дикого чеснока и дикого перца, а также дикую утку, тушенную с диким рисом, с диким укропом, с богородской травкой и с ди-

ким кишнецом; потом высосали костный мозг из кости дикого быка и все закусили дикими вишнями и дикими гранатами. Человек был доволен; он совсем счастливый заснул перед костром, а его жена села и причесала свои волосы; потом взяла лопатку барана, большую плоскую кость, посмотрела на странные нацарапанные на ней знаки, подбросила хвороста в костер и начала колдовать. Она запела первую волшебную песню в мире.

А там, в сырых диких лесах, дикие животные собрались в том месте, откуда они могли видеть свет костра, и раздумывали, что бы это могло быть.

Наконец, дикая лошадь топнула своей дикой ногой и сказала:

– О, мои друзья, о, мои враги, зачем человек и его жена развели этот большой огонь в своей большой пещере? Какой вред это принесет всем нам?

Дикая собака подняла свой дикий нос, почуяла запах жареной баранины и сказала:

– Я пойду посмотрю, разужнаю и скажу вам; мне кажется, в пещере что-то хорошее. Кот, пойдем со мной.

– Нет, нет, – ответил кот, – я кот, разгуливаю совсем один, где мне хочется, и для меня все места одинаковы. Не пойду я с тобой.

– Ну, в таком случае, мы никогда не будем дружить, – ответила ему дикая собака и отправилась к пещере.

Но, когда она отбежала, кот мысленно сказал себе: «Ведь

все места для меня одинаковы. Почему бы и мне не отправиться к пещере, не посмотреть, что там происходит и не уйти, когда вздумается?»

Итак, он скользнул вслед за дикой собакой, крался тихо, очень тихо и спрятался подле пещеры в таком месте, откуда мог все слышать.

Дикая собака подошла к входу в пещеру, носом подняла сушеную конскую шкуру и втянула ноздьями манящий запах жареной баранины. Женщина, которая смотрела на лопаточную кость, услышала, что собака нюхает, засмеялась и сказала:

– Вот первый. Дикий зверь из диких лесов, что тебе нужно?

Дикая собака ответила:

– О, мой враг и жена моего врага, что это так хорошо пахнет в диком лесу?

Женщина взяла поджаренную кость барана, бросила ее дикой собаке и сказала:

– Дикий зверь из дикого леса, погрызи и попробуй.

Дикая собака стала грызть кость и нашла, что ей еще никогда не приходилось есть таких вкусных вещей. Поев, собака сказала:

– О, мой враг и жена моего врага, дай мне еще кость!

Женщина же ответила:

– Дикий зверь из дикого леса, днем помогай моему мужу охотиться, а ночью сторожи его пещеру, тогда я буду давать

тебе столько жареных костей, сколько ты захочешь.

– Ага, – подумал слушавший кот, – это очень умная женщина, но она глупее меня.

Дикая собака вошла в пещеру, положила свою голову на колено женщины и сказала:

– О, мой друг и жена моего друга, днем я буду помогать человеку охотиться, а ночью стану сторожить вашу пещеру.

«Ах, – подумал слушавший кот, – как глупа собака!»

Он ушел обратно в дикий, полный сырости лес, помахивая своим диким хвостом, долго бродил одинокий и дикий и ничего никому не сказал.

Через некоторое время человек проснулся и спросил:

– Зачем здесь дикая собака?

Его жена ответила:

– Этот зверь уже не называется дикой собакой; его имя – первый друг; собака станет нашим другом и останется нашим другом всегда, всегда, всегда. Когда ты пойдешь охотиться, позови ее с собой.

На следующий вечер женщина принесла большую охапку свежей травы с заливных лугов и высушила ее перед костром; от нее пошел запах свежего сена; жена человека села подле входа в пещеру, сплела из кожи уздечку, посмотрела на баранью лопатку, на большую плоскую баранью лопатку, и стала колдовать. Она запела вторую волшебную песню в мире.

Там, в глубине дикого леса, дикие животные удивлялись,

что случилось с дикой собакой; наконец, дикая лошадь топнула ногой и сказала:

– Я пойду разузнаю и расскажу вам, почему дикая собака не вернулась. Кот, пойдём со мной!

– Нет, нет! – сказал кот. – Я кот; гуляю один, и все места для меня одинаковы. Я не пойду с тобой.

А все-таки он пошел за лошадью, крался за ней тихо, мягко, очень мягко ступая лапами, и спрятался там, откуда мог слышать все.

Когда до слуха женщины донесся топот лошади, спотыкавшейся о свою длинную гриву, она засмеялась и сказала:

– Вот пришел и второй. Дикое существо из диких лесов, чего ты хочешь?

Дикая лошадь ответила:

– О, мой враг и жена моего врага, где дикая собака?

Женщина засмеялась, подняла баранью лопатку, посмотрела на нее и сказала:

– Дикая лошадь из дикого леса, ты пришла сюда не за собакой, а вот за этой вкусной травой.

Дикая лошадь, спотыкаясь о свою длинную гриву, сделала еще несколько шагов вперед и сказала:

– Правда; покорми меня твоей травой.

Жена человека сказала:

– Дикая лошадь из дикого леса, наклони свою дикую голову; носи то, что я на тебя наброшу, и ты будешь трижды в день есть самую хорошую траву.

«Ага, – сказал слушавший кот. – Это умная женщина, но она не так умна, как я».

Дикая лошадь наклонила свою дикую голову, и женщина накинула на нее уздечку; тогда дикая лошадьдохнула на ноги женщины и сказала:

– О, моя госпожа и жена моего господина, я буду служить тебе ради этой чудесной травы.

– О, – сказал слушавший кот, – какая глупая лошадь! – И он пустился по сырому, дикому лесу и, помахивая своим диким хвостом, разгуливал, где хотел, а сам был дикий и одинокий. Но он никому ничего не сказал.

Когда человек и собака вернулись с охоты, человек сказал:

– Что здесь делает дикая лошадь?

А его жена ответила:

– Ее уже не зовут дикой лошастью; нет, она наша первая служительница и будет переносить нас с места на место всегда, всегда и всегда. Когда ты отправишься на охоту, садись на ее спину и поезжай.

На следующий день дикая корова, высоко подняв свою дику голову, чтобы не зацепиться своими дикими рогами за дикие деревья, пришла к пещере; а кот пришел за ней и спрятался там же, где и прежде. Случилось все, как прежде, и кот сказал все, что говорил прежде, а когда дикая корова обещала женщине каждый день давать свое молоко за чудесную траву, кот пошел через дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, одинокий и дикий разгуливал все так же, как и

прежде. И никому ничего не сказал. Вот вернулись человек, лошадь и собака, и муж женщины задал ей прежние вопросы; она же ответила:

– Ее больше не зовут дикой коровой; теперь она наша коровица и всегда, всегда, всегда будет давать нам теплое, белое молоко. Я же стану заботиться о ней, пока ты, наш первый друг и твоя первая служанка, будете охотиться.

На следующий день кот ждал, чтобы еще кто-нибудь из диких зверей пошел к пещере, но все они остались в диком, сыром лесу; поэтому кот пошел к пещере один.

Он видел, как женщина подоила корову; видел свет от костра в пещере; почуял запах теплого белого молока.

Кот спросил:

– О, мой враг и жена моего врага, где дикая корова?

Женщина засмеялась и ответила:

– Дикий зверь из дикого леса, возвращайся в чащу, потому что я заплела мои волосы и отложила волшебную баранью лопатку; кроме того, нам не нужно больше ни друзей, ни слуг.

Кот сказал:

– Я не друг; я не слуга. Я кот; разгуливаю один, где мне нравится, и хочу войти в вашу пещеру.

Женщина его спросила:

– Так почему же ты не пришел сюда с первым другом в первый вечер?

Кот сильно рассердился и сказал:

– Не наговорила ли на меня дикая собака?

Женщина опять засмеялась и ответила:

– Ты, кот, гуляешь один, где тебе вздумается, и все места для тебя одинаковы. Ты не наш друг и не слуга, и сам сказал мне это. Так уходи и гуляй, где тебе вздумается, по тем местам, которые для тебя одинаковы.

Кот притворился опечаленным и проговорил:

– Неужели я никогда не посмею приходить в пещеру? Неужели я никогда не буду сидеть подле теплого костра? Неужели я никогда не буду пить теплое белое молоко? Ты очень умна и очень красива; тебе не следует быть жестокой даже к коту.

Женщина сказала:

– Я знала, что я умна; но не слышала, что я красива. Давай же согласимся, если я хоть раз похвалю тебя, ты можешь приходить в пещеру.

– А что будет, если ты два раза похвалишь меня? – спросил кот.

– Этого никогда не случится, – ответила женщина. – Но если я два раза похвалю тебя, тебе будет позволено сидеть подле огня в пещере.

– А если ты похвалишь меня в третий раз? – спросил кот.

– Ни за что, – ответила женщина, – но если бы так случилось, тебе было бы позволено, кроме всего прочего, пить теплое молоко по три раза в день; и так было бы всегда, всегда и всегда.

Кот изогнул свою спину дугой и сказал:

– Пусть же завеса в отверстии пещеры, огонь в ее глубине и котелки с молоком, которые стоят около огня, запомнят, что сказала жена моего врага.

И он ушел в сырой, дикий лес и, помахивая своим диким хвостом, долго бродил одинокий и дикий.

Когда человек, лошадь и собака вернулись домой с охоты, женщина не рассказала им о договоре, который она заключила с котом; она боялась, что это им не понравится.

А кот уходил все дальше и дальше и долгое время, одинокий и дикий, прятался в диком, сыром лесу; он так долго не показывался подле пещеры, что женщина забыла о нем. Только летучая мышь, маленькая, висевшая вниз головой летучая мышка, которая цеплялась задней лапкой за каменный выступ в потолке пещеры, знала, где прятался кот; она каждый вечер летала к нему и рассказывала, что делается на свете.

Раз летучая мышь сказала коту:

– В пещере – малютка. Он совсем маленький, розовый, толстый, и женщина очень любит его.

– Ага, – сказал кот. – А что любит малютка?

– Он любит все теплое и мягкое, – сказала летучая мышь. – Засыпая, он любит держать в ручках теплые и мягкие вещи. Он любит также, чтобы с ним играли. Вот что он любит.

– В таком случае, – сказал кот, – мое время наступило.

На следующий вечер кот пробрался через сырой дикий лес и до утра прятался около пещеры. Утром человек, собака и лошадь отправились на охоту. Женщина готовила еду; малютка кричал, плакал и мешал ей работать; она вынесла его из пещеры и дала ему пригоршню камешков, чтобы он играл ими. А малютка все-таки плакал.

Тогда кот протянул свою мягкую, бархатную лапку и нежно погладил малютку по щеке; ребенок стал весело гукать; кот потерся о его толстые коленки и пощекотал своим хвостом его круглый подбородок. Малютка засмеялся; мать услышала этот смех и улыбнулась. Летучая мышь, маленькая летучая мышь, висевшая вниз головой на потолке пещеры, сказала:

– О, хозяйка дома, жена хозяина дома и мать сына хозяина дома, дикий зверь из дикого леса прелестно играет с твоим малюткой.

– Благословляю этого дикого зверя, каков бы он ни был! – сказала женщина, выпрямляя спину. – Я очень занята, и дикий зверек оказал мне услугу.

В ту же минуту, в ту же секунду, моя крошечка, – бац! – сухая конская кожа, висевшая хвостом вниз в отверстии пещеры, упала. Она помнила, какое соглашение женщина заключила с котом, и когда мать ребенка подошла, чтобы поднять свою дверную занавеску, перед ней открылась картина: кот, устроившийся в уютном уголке пещеры.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – гово-

рил кот, – вот и я; ты похвалила меня, и с этой поры я всегда, всегда, всегда могу сидеть в пещере. И все-таки я кот, разгуливаю один, где мне нравится, и все места для меня одинаковы.

Женщина сильно рассердилась; она крепко сжала свои губы, взяла прялку и начала прядь.

Но ребенок плакал, потому что кот ушел от него, и женщина не могла успокоить своего малютку. Он вырывался от нее, бил ножками, и его личико почернело.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – возьми кусок нити, которую ты спряла, привяжи ее к твоей катушке и тащи катушку по полу; я покажу тебе волшебство, от которого твой малютка засмеется так же громко, как теперь плачет.

– Хорошо, – ответила женщина, – потому что сама я ничего не могу придумать; только я не поблагодарю тебя.

Она привязала нитку к маленькой глиняной катушке и потащила ее по полу. Кот бросился за ней, хватал ее лапками, кувыркался, подбрасывал через себя, прокатывал между своими задними ногами, делал вид, будто потерял ее, снова прыгал на катушку, да так забавно, что малютка засмеялся так же громко, как недавно плакал, пополз за котом и стал резвиться на полу пещеры, пока не устал и не лег спать, обхватив ручонками мягкого кота.

– Теперь, – сказал кот, – я убаюкаю малютку песенкой, и он проспит целый час.

И кот замурлыкал громко и тихо, тихо и громко, и ребенок крепко заснул. Женщина посмотрела на них обоих, улыбнулась и сказала:

– Ты отлично убаюкал его. Нечего и говорить, умен ты, о, кот.

В эту самую минуту, в эту самую секунду, моя душечка, – пуф-пуф! Дым от костра в глубине пещеры спустился клубами вниз; он помнил соглашение, которое женщина заключила с котом. Когда дым рассеялся, явилась новая картина: кот уютно сидел и грелся подле костра.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал он. – Видишь – это я; ты второй раз похвалила меня. Теперь я могу сидеть и греться около костра в глубине пещеры и делать это всегда, всегда и всегда. А все-таки я кот, разгуживаю один, где мне захочется, и все места для меня одинаковы.

Очень очень рассердилась женщина; она распустила свои волосы, подбросила дров в костер, вынула широкую баранью лопатку и принялась над ней колдовать, чтобы волшебство помешало ей в третий раз похвалить кота. Она не пела волшебной песни, моя милая, нет, она колдовала молча, и мало-помалу в пещере стало так тихо, что маленькая-маленькая мышка выползла из угла и побежала по полу.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – скажи: эта мышка тоже помогает твоему волшебству?

– Ох, нет, нет, нет! – ответила женщина, уронила баранью лопатку, вскочила на табурет, стоявший около костра, и быстро-быстро заплела волосы, опасаясь, чтобы мышь не поднялась по ним на ее голову.

– Ага, – сказал кот, глядя на нее, – значит, я могу съесть мышку и за это мне не попадет? Ты не рассердишься?

– Нет, – ответила женщина, поднимая косы, – скорее съешь ее, и я буду вечно тебе благодарна.

Кот прыгнул, поймал мышь, и женщина ему сказала:

– Тысяча благодарностей! Даже первый друг не может ловить мышей так быстро, как это сделал ты. Ты, вероятно, необыкновенно умен.

В эту самую минуту, в эту самую секунду, моя крошечка, – трах! – горшок с молоком, стоявший подле костра треснул в двух местах; он помнил условие женщины с котом, и когда она соскочила с табурета, перед нею оказалась новая картина: кот лакал теплое белое молоко, оставшееся в одном из черепков развалившегося горшка.

– О, мой враг, жена моего врага и мать моего врага, – сказал кот, – видишь, это я, потому что ты меня похвалила в третий раз. Теперь я могу три раза в день пить теплое белое молоко, и так будет всегда, всегда и всегда. А я все-таки кот, который может разгуливать один, где захочет, и все места для меня одинаковы.

Женщина засмеялась и поставила перед котом чашку с теплым белым молоком, сказав:

– О, кот, ты так же умен, как человек, только помни, ты не заключал договора с моим мужем и с собакой, и я не знаю, что они сделают, когда вернутся.

– Что мне за дело до этого? – сказал кот. – Если у меня будет местечко в пещере около костра; если мне станут давать три раза в день теплое белое молоко, меня не потревожит мысль о том, что могут сделать твой муж или собака.

Когда в этот вечер человек и собака пришли в пещеру, женщина рассказала им все, что произошло у нее с котом. Кот сидел подле костра и улыбался. Но муж женщины сказал:

– Да, только я-то ему ничего не обещал; ничего ему не обещали и все другие мужчины, которые будут после меня.

Сказав это, человек снял с себя свои кожаные сапоги, взял маленький каменный топор (три вещи), принес полено и секиру (всего пять вещей), разложил их все в ряд и сказал:

– Теперь, кот, договорись со мной. Если ты не станешь ловить мышей в пещере всегда, всегда и всегда, я буду швырять в тебя одну из этих вещей; так будут поступать и все остальные люди после меня.

– Ага, – сказала женщина, – кот очень умен, а мой муж все-таки умнее его.

Кот сосчитал пять вещей, лежавших рядом; жестки и неприятны показались они ему. Сосчитав их, он сказал:

– Я всегда, всегда и всегда буду ловить мышей, когда зайду в пещеру; а все-таки я кот, буду гулять, где мне нравится, и

все места для меня одинаковы.

– Только берегись меня, когда я буду поблизости, – заметил человек. – Если бы ты не сказал последних слов, я помирился бы с тобой. Теперь же при каждой нашей встрече я стану бросать в тебя свои сапоги и топорик. Точно таким же образом будут поступать и другие люди после меня.

Человек замолчал; вперед выступила собака и сказала:

– погоди минуту. Кот, ты не заключил договора ни со мной, ни с другими порядочными собаками, которые будут после меня. – Она оскалила зубы и прибавила: – Если при мне ты не будешь ласков с ребеночком, всегда, всегда и всегда, я стану гоняться за тобой, пока не схвачу тебя; схватив же, примусь кусать. И то же будут делать все порядочные собаки после меня.

– Ага, – сказала слушавшая женщина, – кот очень умен, но собака умнее его.

Кот сосчитал зубы собаки (какими острыми показались они ему!). Сосчитав же их, он сказал:

– Я буду всегда добр к малютке, если только он не станет слишком сильно дергать меня за хвост; да, я буду ласков с ним всегда, всегда и всегда. А все-таки я кот, могу гулять один, где мне вздумается, и все места для меня одинаковы.

– Только берегись меня, – заметила собака. – Если бы ты не сказал последних слов, я закрыла бы рот и никогда, никогда, никогда не показывала бы тебе зубов; теперь же при каждой встрече я буду загонять тебя на дерево. И то же будет

делать все порядочные собаки после меня.

Человек кинул в кота оба свои сапога и каменный топорик (три вещи); кот выскочил из пещеры, и собака загнала его на дерево. С тех пор, моя любимая, три человека из пяти кидают в кота все, что попадетсЯ им под руку, и все собаки загоняют котов на деревья. Кот держит свое слово. Он ловит мышей и ласково обращается с детьми, пока дети не принимаются слишком сильно дергать его за хвост. Исполнив же свои обязанности в доме, в свободное время, особенно ночью, при луне, кот снова делается прежним диким котом, разгуливает один, где ему вздумается, и все места кажутся ему одинаковыми. В такое время он уходит в сырой дикий лес, карабкается на дикие деревья или бегаеТ по мокрым крышам, помахивает своим диким хвостом и, одинокий и дикий, бродит, где ему вздумается.

Мотылек, который топнул ногой

Слушай, моя деточка, слушай хорошенько; я расскажу тебе новую чудесную сказку, она совсем не похожа на мои остальные. Я расскажу тебе об этом мудром правителе, которого звали Сулейман-Бен-Дауд; это значит Соломон, сын Давида.

Об этом Сулейман-Бен-Дауде составлено триста пятьдесят пять рассказов; но моя история не из их числа. Я не стану говорить про пигалицу, которая нашла воду, или про удода, который своими крылышками защитил Сулеймана от солнечного зноя. Это не рассказ о хрустальном паркете или о рубине с большой трещиной; в сказке моей не говорится также о золотых украшениях султанши Балкис. Нет, я расскажу тебе про мотылька, который топнул ножкой.

Так слушай же, слушай хорошенько!

Сулейман-Бен-Дауд был очень мудр, очень умен. Он понимал, что говорили звери, птицы, рыбы и насекомые. Он понимал, что говорили глубоко ушедшие в землю скалы, в то время, когда они со стоном наклонялись одна к другой, понимал он также шелест листьев, когда утренний ветер играл вершинами деревьев. Он понимал все-все, и Балкис, его главная султанша, изумительная красавица, эта султанша Балкис была почти так же умна, как он.

Сулейман-Бен-Дауд мог делать удивительные вещи. На

третьем пальце своей правой руки он носил кольцо. Стоило ему повернуть этот перстень один раз вокруг пальца, духи земли и джинны появлялись из-под земли и исполняли то, что он приказывал им. Когда мудрый султан поворачивал кольцо два раза вокруг пальца, с неба слетали феи и выполняли его желание; когда он поворачивал перстень три раза вокруг пальца, сам великий Азраил с мечом и в доспехах являлся к нему в образе водоноса и рассказывал ему все, что происходит в трех великих мирах, вверху, внизу и здесь.

Между тем Сулейман не возгордился своим могуществом; он редко прибегал к своей власти, а когда это случалось, то ему это было неприятно. Однажды он задумал накормить всех животных целого мира в один день, но, когда вся пища для пира была приготовлена, из морской глубины выплыл огромный зверь, вышел на отмель и в три глотка съел весь корм, лежавший на берегу. Сулейман очень удивился и спросил:

– О, зверь, кто ты?

А зверь ему ответил:

– О, султан, желаю тебе бесконечной жизни. Я самый маленький из тридцати тысяч братьев. И живем мы все на дне моря. Мы узнали, что ты собираешься накормить зверей со всего света, и братья прислали меня узнать, когда будет готов обед.

Сулейман-Бен-Дауд удивился еще больше и сказал:

– О, зверь, ты проглотил весь обед, который я приготовил

для всех животных со всего света.

А зверь ему ответил:

– О, султан, желаю тебе вечной жизни, но неужели эту безделицу ты называешь обедом? Там, откуда я пришел, мы в виде закуски едим вдвое больше того, что я проглотил здесь.

Сулейман пал ниц и сказал:

– О, зверь! Я собирался дать этот обед, надеясь показать, какой я могучий и богатый властитель, а совсем не потому, что мне действительно хотелось быть добрым к животным. Ты пристыдил меня, и я заслужил это.

Сулейман-Бен-Дауд был истинно мудрый человек, моя любимая. После этого случая он уже не забывал, как глупо тщеславиться и хвастаться. Только это была присказка, а теперь начинается настоящая сказка.

У султана было много-много жен, девятьсот девяносто девять, не считая очаровательной главной султанши, Балкис. Они жили в большом золотом дворце, а дворец этот стоял в прелестном саду с красивыми фонтанами. В сущности, Сулейману совсем не было приятно, что у него столько султанш, но в те дни у каждого богатого господина было много жен, и, понятно, султану нужно было ввести в свой дом побольше султанш, чтобы показать, как он важен и как богат.

Многие его жены были красивы и приветливы; некоторые же прямо ужасны. Уродливые ссорились с красивыми, те тоже становились раздражительными и злыми. И все они ссорились с султаном, а это ужасно надоедало ему. Только Бал-

кис, красавица Балкис, никогда не ссорилась с Сулейманом. Она слишком любила его. Балкис сидела в своей комнате в золотом дворце, гуляла по дворцовому саду и очень жалела, что у Сулеймана так много семейных неприятностей.

Понятно, если бы мудрый правитель повернул кольцо на своем пальце, призвал джиннов и других духов, они, конечно, превратили бы его девятьсот девяносто девять сердитых жен в белых мулов пустыни, в борзых собак или зерна граната; но султан Сулейман считал, что это было бы хвастовством. И когда его жены слишком кричали и сердились, он уходил подальше, в глубину своего чудесного дворцового сада, и жалел, что родился на свет.

Однажды, после того как ссоры сварливых жен великого мудреца не прекращались три недели, и все это время девятьсот девяносто девять султанш кричали и сердились, Сулейман-Бен-Дауд, по обыкновению, ушел в свой сад.

В апельсиновой роще он встретил красавицу султаншу Балкис; она была очень печальна, зная, что Сулейман огорчен. Балкис посмотрела на него и сказала:

– О, господин мой и свет моих очей, поверни кольцо на своем пальце и покажи владычицам Египта, Месопотамии, Персии и Китая, что ты великий и страшный султан.

Но Сулейман-Бен-Дауд, покачав головой, ответил:

– О, моя госпожа и радость моей жизни, вспомни зверя, вышедшего из моря! Он пристыдил меня перед всеми животными за мое тщеславие и замою гордость. Теперь, если

бы я возгордился перед султаншами Персии, Египта, Месопотамии и Китая только потому, что они мне надоедают, я, может быть, был бы посрамлен еще больше, чем в тот раз.

А прекрасная Балкис спросила:

– О, мой господин и сокровище души моей, как же ты поступишь?

Сулейман-Бен-Дауд ответил:

– О, моя госпожа и радость моего сердца, я подчинюсь своей судьбе, которую держат в руках девятьсот девяносто девять султанш, надоедающих мне своими непрерывными ссорами.

И султан пошел дальше, пробираясь между лилиями, мимозами, розами и тюльпанами, между имбирными кустами, распространяющими сильное благоухание, и, наконец, пришел к большому камфарному дереву, которое называлось камфарным деревом Сулеймана-Бен-Дауда. Балкис же спряталась среди высоких ирисов, пестрых бамбуков и красных лилий, окружавших камфарное дерево, чтобы остаться близ своего любимого супруга, султана Сулеймана.

Вот под дерево прилетели две бабочки; они ссорились.

Сулейман-Бен-Дауд услышал, что пестрый мотылек сказал своей спутнице:

– Удивляюсь, как ты дерзка! Не смей таким образом говорить со мной! Разве ты не знаешь, что стоит мне топнуть ногой, и дворец султана Сулеймана с садом тотчас же с грохотом исчезнет?

Услышав это, Сулейман-Бен-Дауд позабыл о своих девяносто девяти надоедливых женах и засмеялся, засмеялся так, что камфарное дерево затряслось. Его рассмешило хвастовство мотылька. Он поманил его пальцем, сказав:

– Поди-ка сюда, ты, малыш!

Мотылек страшно испугался, но подлетел к руке Сулеймана и вцепился лапками в его палец, обмахивая себя крылышками. Султан наклонил голову и тихо-тихо прошептал:

– Маленький мотылек, ведь ты знаешь, что, как бы ты ни топал ножками, тебе не удастся согнуть и былинки. Что же заставило тебя сказать такую ложь своей жене? Потому что эта бабочка, без сомнения, твоя жена?

Мотылек посмотрел на Сулеймана, увидел, что глаза мудрого султана мерцают, как звезды в морозную ночь, взял свое мужество в оба крылышка, наклонил маленькую голову и ответил:

– О, султан, живи долго и счастливо! Эта бабочка действительно моя жена, а ты сам знаешь, что за существа эти жены.

Султан Сулейман улыбнулся в бороду и ответил:

– Да, я это знаю, мой маленький брат.

– Так или иначе, приходится держать их в повиновении, – ответил мотылек, – а моя жена целое утро ссорится со мной. Я солгал ей, чтобы ее хоть как-нибудь уgomонить.

Сулейман-Бен-Дауд заметил:

– Желая тебе, чтобы она успокоилась. Вернись же к ней

и дай мне послушать ваш разговор.

Мотылек порхнул к своей жене, которая, сидя на листе дерева, вся трепетала, и сказал ей:

– Он слышал тебя. Сам султан Сулейман-Бен-Дауд слышал, что ты говорила.

– Слышал? – ответила бабочка. – Так что же? Я и говорила, чтобы он слышал. А что же он сказал? О, что сказал он?

– Ну, – ответил мотылек, с важностью обмахивая себя крылышками, – говоря между нами, дорогая, я не могу порицать его, так как его дворец и сад, конечно, стоили дорого; да к тому же и апельсины начинают созревать... Он просил меня не топтать ногой, и я обещал не делать этого.

– Что за ужас! – сказала бабочка и притихла.

Сулейман же засмеялся; он до слез хохотал над бессовестным маленьким негодным мотыльком.

Балкис, красавица султанша, стояла за деревом, окруженная красными лилиями, и улыбалась про себя; она слышала все эти разговоры и шептала:

– Если я задумала действительно умную вещь, мне удастся спасти моего повелителя от преследований несносных султанш.

Она протянула палец и нежно-нежно шепнула бабочке-жене:

– Маленькая женщина, лети сюда.

Бабочка вспорхнула; ей было очень страшно, и она приникла к белому пальчику султанши.

А Балкис наклонила свою очаровательную голову и тихо сказала:

– Маленькая женщина, веришь ли ты тому, что только что сказал твой муж?

Жена мотылька посмотрела на Балкис и увидела, что глаза красавицы султанши блестят, как глубокие пруды, в которых отражается звездный свет, собрала обоими крылышками всю свою храбрость и ответила:

– О, султанша, будь вечно здорова и прекрасна! Ты ведь знаешь, что за существа мужья!

А султанша Балкис, мудрая Балкис Савская, поднесла руку к своим губам, чтобы скрыть игравшую на них улыбку, и снова прошептала:

– Да, сестричка, знаю; хорошо знаю.

– Мужья сердятся, – сказала бабочка, быстро обмахиваясь крылышками, – сердятся из-за пустяков, и нам приходится угождать им, о, султанша. Они не думают и половины того, что говорят. Если моему мужу хочется вообразить, будто я верю, что топнув ногой, он может разрушить дворец султана Сулеймана, пусть; я притворюсь, что я верю. Завтра он забудет обо всем этом.

– Маленькая сестричка, – сказала Балкис, – ты права, но когда в следующий раз он примется хвастать, поймай его на слове. Попроси его топнуть ногой и посмотри, что будет дальше. Ведь мы-то с тобой отлично знаем, каковы мужья. Ты его пристыдишь, пристыдишь сильно.

Бабочка улетела к своему мужу, и через пять минут у них закипела новая ссора.

– Помни, – сказал жене мотылек. – Помни, что случится, если я топну ногой!

– Я не верю тебе! – ответила бабочка. – Пожалуйста, топни, я хочу посмотреть, что будет! Ну, топай же ногой!

– Я обещал султану Сулейману не делать этого, – ответил мотылек, – и не желаю нарушать моего обещания.

– Какой вздор. Если ты топнешь ногой, ничего не случится, – сказала бабочка-жена. – Топай сколько хочешь; ты не согнешь ни одной травинки. Ну-ка, попробуй! Топай, топай, топай!

Сулейман-Бен-Дауд сидел под камфарным деревом, слышал разговор мотылька и его жены и смеялся так, как никогда еще не смеялся в жизни. Он забыл о своих султаншах; забыл о звере, который вышел из моря; он забыл о тщеславии и хвастовстве. Он хохотал просто потому, что ему было весело, а Балкис, стоявшая с другой стороны дерева, улыбалась, радуясь, что ее любимому мужу так весело.

Вот разгоряченный и надутый мотылек порхнул в тень камфарного дерева и сказал Сулейману:

– Она требует, чтобы я топнул ногой. Она хочет видеть, что случится, о, Сулейман-Бен-Дауд. Ты знаешь, что я не могу этого сделать; и теперь она уже никогда не поверит ни одному моему слову и до конца моих дней будет насмехаться надо мной!

– Нет, маленький братик, – ответил Сулейман-Бен-Дауд, – твоя жена никогда больше не станет над тобой насмехаться. – И он повернул свое кольцо на пальце, повернул ради маленького мотылька, а совсем не для того, чтобы похвастаться своим могуществом. И что же? Из земли вышли четыре сильных джинна.

– Рабы, – сказал им Сулейман-Бен-Дауд, – когда вот этот господин, сидящий на моем пальце (действительно, на его пальце по-прежнему сидел дерзкий мотылек), топнет своей левой передней ногой, вызовите раскаты грома и под этот шум унесите мой дворец с садом. Когда он снова топнет, осторожно принесите их назад.

– Теперь, маленький брат, – сказал он мотыльку, – вернись к своей жене и топни ножкой, да посильнее!

Мотылек полетел к своей жене, которая продолжала кричать:

– Ну-ка, посмей топнуть! Топни ногой! Топни же, топни! Балкис увидела, как джинны наклонились к четырем углам сада, окружавшего дворец, весело захлопала в ладоши и прошептала:

– Наконец-то Сулейман-Бен-Дауд сделает для мотылька то, что он давно должен был бы сделать для самого себя! О, сердитые султанши испугаются!

И вот мотылек топнул ногой. Джинны подняли дворец и сад в воздух на тысячу миль. Раздался страшный раскат грома, и все окутал мрак, черный как чернила.

Бабочка билась в темноте и кричала:

– О, я буду добрая! Мне так жаль, что я глупо говорила! Только верни на место сад, мой дорогой, милый муж, и я никогда больше не буду с тобой спорить!

Мотылек испугался не меньше своей жены, а Сулейман так хохотал, что прошло несколько минут, прежде чем он смог шепнуть мотыльку:

– Топни снова, Маленький Братец. Верни мне обратно мой дворец, о, великий и сильный волшебник!

– Да, да, верни ему его дворец! – прошептала бабочка-жена, по-прежнему бившаяся в темноте, как ее ночные сестры. – Верни ему дворец, и, пожалуйста, довольно этого ужасного колдовства!

– Хорошо, дорогая, – ответил ей мотылек, стараясь придать своему голосу твердость. – Ты видишь, что вышло из-за твоих капризов? Конечно, мне все это безразлично; ведь я-то привык к подобным вещам, но из любви к тебе и к султану Сулейману я согласен привести все в порядок.

Итак, он снова топнул ногой, и в то же мгновение джины опустили дворец и сад, да так осторожно, что даже не колыхнули их. Солнце освещало темно-зеленые листья апельсиновых деревьев; фонтаны били среди розовых египетских лилий; птицы пели, а бабочка-жена лежала на боку под камфарным деревом, трепетала крылышками и, задыхаясь, говорила:

– О, я буду послушна, я буду уступчива!..

Султан же так смеялся, что не мог говорить. Он откинулся назад, изнемогая от смеха, несколько раз икнул, наконец, погрозил пальцем мотыльку, сказав:

– О, великий волшебник, ну зачем ты вернул мне мой дворец, раз в то же самое время заставляешь меня умереть от смеха?

Вдруг послышался страшный шум; все девятьсот девяносто девять султанш с криком и визгом выбежали из дворца и принялись звать своих детей. Они спускались по большим мраморным ступеням мимо фонтанов, потом выстроились по сто в ряд и остановились; умная Балкис подошла к ним и сказала:

– Что с вами, о, султанши?

Они стояли на мраморной лестнице по сто в ряд и ответили:

– Ты спрашиваешь, что с нами случилось? Мы, по обыкновению, жили мирно в нашем дворце; вдруг он исчез, и мы остались посреди густой тьмы, что-то шумело, гремело, и в темноте мимо нас пролетали джинны и духи земли. Вот что нас взволновало, о, главная султанша, и мы очень напуганы этим; это был страшный испуг, и он не походил ни на что прежнее.

Тогда Балкис, красавица султанша, любимая жена Сулеймана-Бен-Дауда, прежняя правительница Савская, пришедшая через золотоносные реки юга из пустыни Цинна к башням Зимоабве, Балкис, почти такая же мудрая, как мудрей-

ший в мире султан Сулейман-Бен-Дауд, ответила:

– Все это пустяки, о, султанши. Мотылек пожаловался на свою жену, которая с ним ссорилась, и наш повелитель Сулейман-Бен-Дауд пожелал преподать ей урок смирения и послушания, потому что то и другое считается добродетелью среди жен мотыльков.

Ей ответила дочь фараона, султанша Египта, сказав:

– Я не верю, чтобы можно было поднять наш дворец, как маленькую поросль, ради ничтожного насекомого. Нет, конечно, Сулейман-Бен-Дауд умер. Раздались страшные звуки и замелькали страшные картины, потому что земля загремела и свет померк от известия о его кончине.

Балкис поманила рукой эту гордую султаншу, не глядя на нее, и сказала ей и всем остальным женам Сулеймана:

– Пойдите и посмотрите.

Они спустились с мраморной лестницы, по-прежнему, по сто в ряд, и увидели, что под камфарным деревом сидит премудрый султан Сулейман-Бен-Дауд, все еще не оправившийся от слабости после припадка смеха; что он покачивается взад и вперед и что на каждой его руке сидит по бабочке; султанши также услышали, как он говорил:

– О, жена моего братика, летающего в воздухе, теперь после всего, что случилось, помни: во всем угождай своему мужу, чтобы он снова не вздумал топнуть ногой; он сказал, что привык к этому великому волшебству, и сам он великий волшебник, колдун, который может унести дворец Сулейма-

на-Бен-Дауда. Летите с миром, мои крошки! – Он поцеловал крылышки мотылька и бабочки, и они улетели.

Тогда все султанши, кроме Балкис, прекрасной и великолепной Балкис, которая стояла в сторонке и улыбалась, пали ниц, сказав:

– Если ради мотылька, недовольного своей женой, совершаются такие чудеса, что же будет с нами, рассердившими нашего султана своими вечными ссорами, криком и недовольством!

Потом они поднялись, опустили на лица покрывала, прижали руки к губам и тихо, как мышки, на цыпочках двинулись к дворцу.

А Балкис, прекрасная и восхитительная Балкис, прошла между красными лилиями в тень камфарного дерева, положила свою белую руку на плечо Сулеймана-Бен-Дауда и сказала:

– О, мой господин и сокровище души моей! Радуйся, мы преподали великий и памятный урок султаншам Египта, Эфиопии, Абиссинии, Персии, Индии и Китая!

Сулейман-Бен-Дауд, все еще следивший взглядом за мотыльком и бабочкой, игравшими в луче солнца, ответил:

– О, моя госпожа и драгоценность моего счастья, когда же это случилось? Ведь с той минуты, как я пришел в сад, я шутил с мотыльком, – и он рассказал Балкис все как было.

Балкис, нежная и прелестная Балкис, сказала:

– О, мой повелитель и господин моей жизни, я пряталась

за стволом камфарного дерева и все видела. Именно я посоветовала жене мотылька попросить его топнуть ногой, так как надеялась, что ради шутки мой повелитель сотворит великое волшебство, и что султанши испугаются. – После этого Балкис рассказала Сулейману, что ей сказали султанши, что они видели и что думали.

Сулейман-Бен-Дауд поднялся со своего места и, протянув к ней руки, радостно сказал:

– О, моя госпожа и сладость дней моих, знай, что, если бы я совершил волшебство, направленное против моих султанш, и действовал из тщеславия или гнева, как тогда, готовя пир для всех животных, я, вероятно, был бы посрамлен. Но ты своей мудростью заставила меня прибегнуть к волшебству ради шутки и на пользу маленькому мотыльку, и что же случилось? Мое волшебство избавило меня от досады на моих несносных жен. Поэтому скажи мне, о, госпожа и сердце моего сердца, что сделало тебя такой мудрой?

Балкис, великая султанша, прекрасная собой и статная, заглянула в глаза Сулеймана-Бен-Дауда, немного наклонила головку набок, точь-в-точь как это сделала маленькая бабочка, и сказала:

– Во-первых, о, мой повелитель, моя горячая любовь к тебе; во-вторых, о, мой господин, знание женского сердца.

После этого они пошли во дворец и с тех пор жили счастливо.

Но, скажи, моя милая деточка, разве не умно поступила

султанша Балкис?